

Колтёр

Журнал
Веселых
И любознательных

№1
январь
2000

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Приключенческая повесть

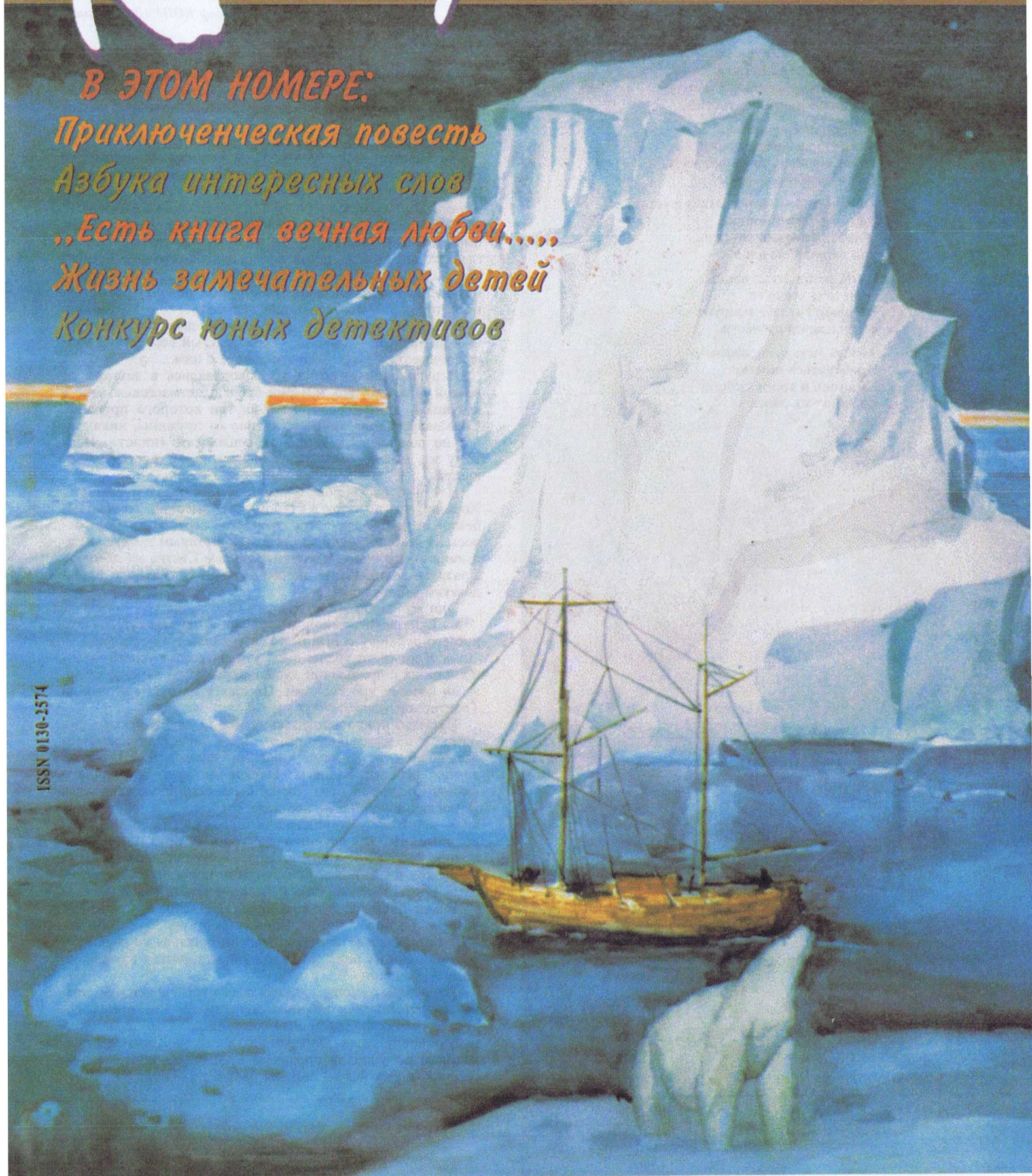
Азбука интересных слов

„Есть книга вечная любви.....“

Жизнь замечательных детей

Конкурс юных детективов

ISSN 0130-2574

В этом месяце исполняется 100 лет со дня рождения Михаила Васильевича ИСАКОВСКОГО (1900—1973). Его стихи: «Катюша», «В прифронтовом лесу», «Враги сожгли родную хату», «Лучше нету того цвету», «Услышь меня, хорошая», «Снова замерло все до рассвета» и многие другие стали поистине народными песнями. А вот одно из его «зимних» стихотворений.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

За окошком в белом поле —
Сумрак, ветер, снеговой...
Ты сидишь, наверно, в школе.
В светлой комнатке своей.

Зимний вечер коротая,
Наклонилась над столом:
То ли пишешь, то ль читаешь,
То ли думаешь о чем.

Кончен день — и в классах пусто,
В старом доме тишина,
И тебе немножко грустно,
Что сегодня ты одна.

Из-за ветра, из-за вьюги
Опустели все пути,
Не придут к тебе подруги
Вместе вечер провести.

Замела метель дорожки, —
Пробраться нелегко.
Но огонь в твоём окошке
Виден очень далеко.

ДЕЛО О

— Все мы любим своих братьев.
Джозеф КОНРАД. «Лагуна».

ЛЕДЯНЫЕ ПАЛЬЦЫ

С шуршащим трепетом пропеллер взлетал, и в нем жигались белые звезды. Горячие, лучистые. Такие же, как на мокрых ресницах, когда смотришь сквозь них на солнце.

Пропеллер был маленький. Длинной, с Елькину ладонь. Елька смастерил его из жестяной полоски. Подобрал ее (блестящую, мягкую) у мусорного бака, вспомнил зимний разговор о летучей игрушке и понял: не зря тот разговор случился...

Портновскими ножницами мамы Тани (тайком, конечно, чтобы не заворчала) он вырезал что-то похожее на самолетный винт с двумя лопастями. В середине пробил две дырки, в катушку от ниток вколотил два гвоздика с откушенными головками. Выстругал палочку-рукоятку, на которой катушка свободно вертелась.

Наденешь пропеллер на гвоздики, дернешь намотанный шнурок, и — фр-р-р! — серебристый вертолетик уходит в высоту. И ты — будто вместе с ним...

Игрушки, похожие на эту, продавались в ларьках со всякой мелочью. Но там они были пластмассовые и не с катушкой, а с pistolетиком, внутри которого пружина. Сила запуска там зависела именно от пружины, никак на нее не повлиять. А здесь все решал сам «пилот». И, к тому же, можно было регулировать изгиб жестяных лопастей.

И Елька регулировал, испытывал. Сперва в комнате. Хорошо, что потолок в старом доме высокий. Потом выбежал на двор. Но здесь запускать вертолетик расхотелось. И доминошники за столом под старым дубом, и малышня в песочнице, и ехидные Инка и Светка на лавочке. Сразу же захихикают: парню десятый год, а он с детсадовской забавлялкой!

Они все равно захихикали:

— Елик-велик, какой ты сегодня красивенький! — Это про его рубашку и штаны со штурвалами и кораблями.

— Я на свете краше всех, у меня всегда успех! — отбрил он их с привычной дурашливостью. И замелькал новыми белыми кроссовками. Помчался на пустыри позади Тракторной усадьбы.

Пустыри привольно раскинулись за двухэтажными домами из почерневших бревен. Здесь зарастали дремучим репейником и дикими травами фундаменты скрытых домов, остатки садовых беседок и кучи кирпичного щебня. Когда-то в этих местах были старинные кварталы. И когда-нибудь здесь поставят современные многоэтажки — вроде тех, что виднеются совсем рядом, за кленовой рощицей. Но это случится не скоро. А пока здесь было полное бабочек безмолвие. Тихо стрекотал и звенел один из редких дней, когда сливаются поздняя весна и раннее лето. Цветы и зелень еще майские, а тепло, как в июне.

Елька пробрался сквозь цветущую сирень, с разбега вознесся на поросший одуванчиками бугор. Не видать вокруг ни человека, ни зверя. Можно остаться со своей радостью один на один. Можно не притворяться неунывающим и смешным.

Пахнувший тополями ветер обмахнул мальчишку мохнатыми крыльями, поставил торчком темные волосы-со-сульки, обтянул тряпичный костюмчик. Эту разноцветную обновку мама Таня купила вчера на остатки денег, которые получила в апреле за проданный ковер: скачи, бесенок, и радуйся — лето на дворе!

Рис. О. Граблевской

РТУТНОЙ БОМБЕ

Владислав КРАПИВИН

Повесть

Весу в летней одежке было все равно, что в ситцевой косынке. И Елька чувствовал себя прыгучим и летучим. А жестяной вертолетик добавлял ему этой летучести.

Елька, шурясь от яркой синевы, пустил пропеллер прямо над собой, но тот решил поиграть с хозяином: пошел вкось. Упал в двадцати шагах, на выпуклый, как черехапа, лопух.

— Ладно, только не теряйся! И не летай в крапиву!

Крапива была уже высока и успела набрать едкие соки. Раза два Елька не уберется, но радости не убавилось. Снова — бегом за искрящимися крылышками! И головой в старый репейник, в свежий бурьян. И опять — дерг за шнурок! — и фр-р-р! — уносится стригущая воздух радость. То мчится ввысь, то чиркает по диким ромашкам.

Так, в коротких полетах, пересек Елька заросли и лужайки и оказался у пустого квартала.

Здесь из кленовой поросли подымались давно опустевшие, но еще не тронутые бульдозерами дома. С пробитыми окнами, со взьерошенным железом ржавых крыш. Самый большой дом — в полтора этажа, с кирпичным полуподвалом. Когда-то он был красив. До сих пор сохранилась хитрая резьба вокруг высоких окон. Причудливо чернели жестяные теремки на верхушках печных и водосточных труб. А внутри — Елька знал это — была широкая лестница с точеными перилами, высокие кафельные печи и лепные узоры на потолках...

С левого бока дом был обуглен давним пожаром, но середину и правый край — где крыльцо с чугунным узорчатым навесом — огонь совсем не задел. Может, потому, что в этой стороне была защита — кирпичная стена от пожара (у нее есть специальное название, но Елька его не помнил). Стена — высотой до гребня крыши — стояла в метре от боковой стороны дома. Промежуток был заделан переборкой из грубых гранитных брусьев.

У стены раскинулась поляна — с подорожниками, клевером, дикой ромашкой и прочей невысокой травой. Летом на поляне часто собирались пацаны из ближних дворов. Было удобно лупить о стену мячами, и никто не

орал: «Что вы опять разгаделись, а ну, марш отсюда!» К тому же, этот край дома был обращен к северу, и в самые жаркие дни здесь царили тень и прохлада. Но сейчас никого здесь не оказалось. Пустота и простор. И это — замечательно!

Елька снова дернул шнурок. Вертолетик радостно взмыл, вырвался на высоте из тени, заискрился... Потом замедлил вращение, будто выбирал, куда приземлиться. И... выбрать не успел.

Мягкий теплый ветер сыграл шутку. Опять махнул крыльями, подхватил жестяного летуна и кинул между стеной и домом.

У Ельки нехорошо ухнуло внутри. Будто не пустяшную самоделку потерял, а что-то важное. Вещь, в которой спрятан особый смысл. Да так оно и было, наверно... По крайней мере, не мелькнуло даже крошечной мысли, что можно оставить пропеллер в темной щели.

А как в эту щель попасть?

По гранитной переборке не заберешься. С другой стороны промежутка был забит вертикальными досками. Высоченными. Сколько ни скачи, не ухватишься за кромку.

Елька бросился в дом. Пустота дохнула на мальчишку застоявшейся зябкостью, гнилью, унылостью заброшенного жилья. Широкие солнечные лучи высвечивали ключья обоев и всякую дрянь на полу. Блестели пустые бутылки. Впрочем, все это Елька увидел мельком. И вот уже тамбур черного хода, лестница на чердак...

На чердаке пахло сухой землей. Сбивая колени о поперечные балки, фыркая от паутины, Елька пробрался к чердачному выходу на крышу. Застекленная дверца висела на одной петле и оборвалась вовсе, когда Елька открыл ее. Он выбрался под солнце, на теплую ржавчину кровельных листов. Они гулко застреляли, прогибаясь под кроссовками.

Елька на гибких напружиненных ногах подошел к самой кромке. Сел на корточки, присмотрелся. Пропеллер тускло поблескивал на темном, почти неразличимом дне. А еще Елька увидел — вот удача-то! — вбитые в бревен-

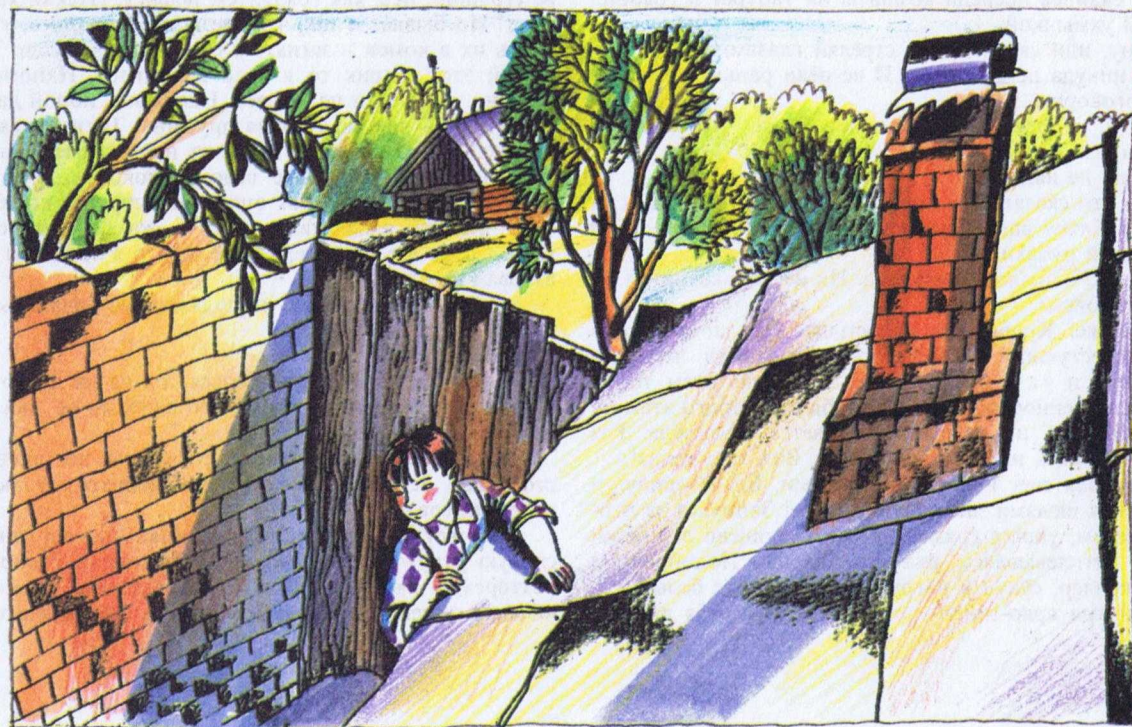

Рис. К. Почтенной

чатую стенку скобы. Как ступени. Правда, были они далеко друг от друга, не всякий пацан решится спускаться по таким. Но для Ельки-то, привыкшего ко всяким фокусам на турниках и пожарных лестницах, это разве задача?

Он животом лег на кровельный край, поболтал ногами, нащупал первую скобу. Присел на ней, поймал ее руками. Толкнулся подошвами, повис. Где там еще ступенька? А, вот...

Ельку охватил воздух стылого пространства. Холод усыпал кожу бугорками. Елька охнул. Ну да ладно, это же на полминуты! Схватит вертолетик — и марш к солнцу!

Последняя скоба оказалась вбитой высоко от земли. Елька заболтался, вцепившись в железо и едва касаясь дна носками кроссовок. Стало страшно: как обратно-то? Но тут же решил — ерунда! Подпрыгнет и ухватится за скобу. И заберется, цепляясь ногами за щели в кирпичках. Приходилось делать трюки и похитрее.

Он разжал пальцы... И взвизгнул!

Потому что была под ним не земля. Это был покрытый пылью и копотью снег, сохранившийся с зимы. Вернее, мелкая ледяная крошка. Елька ушел в нее ногами выше колен, по кромку своих новеньких разноцветных штанов.

Но испугался Елька не холода. В первый миг ледяные кристаллики показались даже приятными. Они прогнали с кожи надоедливый зуд от крапивы и колочек. А вот как теперь выбираться-то? До скобы не допрыгнешь! Если бы на твердом месте да с разбега, то можно. А здесь — какой разбег... Елька задергался, пытаясь все-таки прыгнуть. Толку-то... А мороз уже втыкал в него безжалостные спицы.

Что теперь? Кричать? Может, кто-то окажется на поляне, услышит, сбегаем за веревкой? А сколько времени пройдет?... Да и кто услышит?

Елька все же крикнул:

— Эй!.. — Получилось глухо, сипло. И стало почему-то стыдно.

Ноги уже отчаянно ломило, и льдистые иголки быстро скользили по всем жилкам. Ельку сотряс озноб. Это теплая кровь не хотела сдаваться смертному холоду. Конечно смертному. Потому что сколько он, Елька, выдержит здесь?

Елька тоскливо глянул вверх. Чистое небо сияло ярко и равнодушно. Это было небо другого мира. Того, где Ельки уже нет...

Теперь был не просто холод. Он слился с ужасом ловушки. С похожим на тот ужас, когда отец запирает дверь на ключ, садился посреди комнаты на табурет и говорил с тяжелой ухмылкой:

— А ну, иди сюда! Да не стреляй глазами-то, не трепыхайся, никуда не денешься. И не реви раньше времени, сперва поговорим...

Елька и не ревел. Но обмирал. Знал, что сперва будет недолго, а потом...

— Папа, не надо!?

— Это кто сказал, что не надо? Ну-ка... — Он рывком придвигал Ельку вплотную, в запах водки, гнилых зубов и нестираной рубахи...

Но там это было не навсегда. На несколько минут. А сейчас... насовсем!

Да нет же! Кровь еще не остыла. Она толкалась в Ельке протестующе и упруго: живи! Должен же быть выход! Ведь и там он однажды вырвался! Всем телом пробил затворенное окно, бросил себя со второго этажа в рябиновый куст, на волю! Он вырвется и отсюда. Раз нельзя по скобам, надо выбить доски. Вон там, сзади!

Расталкивая снег немеющими ногами, Елька двинулся к светящейся щелями загородке. Скорее! Запнулся за что-то под снегом, упал в грязное ледяное крошево ладонями и лицом. Отплевываясь, ринулся дальше. Подобрал на ходу пропеллер, сунул в нагрудный карман (с белым кораблем внутри ярко-синего ромба), толкнул себя дальше.

И наконец уперся в занозистые доски — такие теплые по сравнению со всем остальным.

Елька толкнул их, ударил плечом. Одна доска шевельнулась, чуть подалась наружу. Но дальше, других ударов, не послушалась. Замерзающий Елька понял: надо бить ее с разбега. А для разбега — протоптать дорожку. Да, протоптать! Собрать силы, хотя холод уже добрался до плеч, до затылка и, кажется, выходит из тела стрелами-сосульками наружу!

Работая локтями, Елька попятился. Будто играл в паровозик. Ледяные кристаллы больно скребли кожу. И это хорошо — значит, ноги не совсем еще онемели! Да, не совсем: Елька ощутил, как что-то сильно цапнуло его под коленкой. Оглянулся.

Из протоптанного раньше следа торчала белая рука.

Худая застывшая кисть в мятом обшлаге из камуфляжной ткани. Пальцы с грязными ногтями были скрючены, а указательный выгнут и согнут лишь чуть-чуть. Будто пощекотать хотел кого-то... Это он и цапнул Ельку?

Елька хрипло закричал. И (так ему вспоминалось потом) взмыл над снегом. Пронесся по воздуху, как снаряд, руками, плечом и лицом вышиб доску, закувыркался в траве, роняя красные капли с разбитых губ. И бросился домой. Он мчался, и солнце било его в спину, в затылок, но не могло вогнать в него ни капельки тепла. И жар легкого дня, и обретенная свобода, и скорость бега были уже не в силах спасти Ельку. Леденели мускулы и кости, леденела кровь...

ФРАНЦУЗСКАЯ ТЕТРАДЬ

— Итак, вы утверждаете, Зайцев, что не имеете к этому делу никакого отношения?

Директорша была интеллигентная дама и всем ученикам, начиная с пятого класса, говорила «вы». Бывало, правда, что срывалась, набухала вишневым соком и орала на виноватого: «Здесь тебе лицей, а не барак в Тракторной усадьбе! Забирай документы и отправляйся в обычную школу, у нас никого не держат!» После этого родители несчастного приходили к ней в кабинет и долго там беседовали. О чем — никто не знал. И обычно дело кончалось миром.

Но сейчас до срыва было еще далеко. Полная, добродушная с виду, Кира Евгеньевна говорила суховато, но без сердитости. С легким утомлением:

— Итак, вы, Зайцев, это утверждаете?

Обычно храбрость приходит после неудержимых слез. Когда ты уже проревелся от обиды и тебе уже не стыдно, не страшно. Все, как говорится, пофигу. Пускай хоть убивают! Но бывает и так, что слезы не вырвались, ты успел жжать их в комок и загнать в самую глубь души. Там колочий этот шарик то и дело шевелится. Напоминает о себе, но храбрости не мешает. Наоборот, порой даже усиливает ее — как скрученная пружина. Такие пружины — они ведь до последнего момента незаметные. Неподвижные, поэтому ты внешне совсем спокоен. Да и внутри спокоен, пока этот комок опять не выпустил колочки...

— Ничего я не утверждаю, — сказал Митя со вздохом. — Это вы все утверждаете, будто я бандит и чуть не взорвал школу.

— Лицей... — сказала молодая завуч начальных классов Фаина Леонидовна.

— Ну, лицей...

— Не нукай! И не косობочься, ты не на дискотеке! — Фаина была нервная, потому что считала: ее, как завуча, не принимают всерьез.

А Митя и не косობочился, стоял, как все люди. Просто в нем не было заметно подобающего случаю ужаса перед педсоветом.

Педсовет (не весь, правда, а «малый», собранный на скорую руку) сидел за длинным блестящим столом в директорском кабинете. Только председатель ученического «Совета лицейстов» Боря Ломакин из одиннадцатого «И»

(то есть «исторического») скромно устроился поодаль, у стены. У другой стены сидела Жаннет Корниенко. Как всегда, в джинсах, цветастой широкой кофте, с неизменным «Зенитом» и с толстым блокнотом на коленях. Держалась она бесстрастно, смотрела перед собой и была неподвижна. Так неподвижна, что даже ее цыганские серьги-полумесяцы ничуть не качались.

Борю Ломакина часто приглашали на педсовет как «представителя коллектива учащихся». Потому что в лицее была демократия. А Жаннет позвали только сегодня — как лицейского корреспондента. Чтобы (в случае необходимости!) отразить скандальное дело в газете «Гусиное перо».

Жаннет делала вид, что незнакома (то есть почти незнакома) с семиклассником Зайцевым. Ее большая курчавая голова не поворачивалась в его сторону. И взгляды их ни разу не встретились. Ну и правильно...

Пожилая, в очках и с семью кудряшками, «англичанка» сказала с назидательностью доброй тети:

— Конечно, признаваться стыдно... Дима. Но еще хуже, когда мальчик запирается так упрямо, вопреки очевидности.

— Какой очевидности? Будто я подложил бомбу?

— Никто не говорит, что ты ее подложил, — это вступила Галина Валерьевна, завуч старших классов. Именно в ее подчинении был седьмой «Л» (литературный), в котором числился подрывник Зайцев. — Но ты сообщил, что она подложена.

— Господи, ну что за глупость, — сказал Митя с оттенком стона.

— Хорошо, что наконец ты понял! — обрадовалась (или сделала вид, что обрадовалась) «англичанка». — Какую глупость ты совершил.

— Это вы все говорите глупость, — уточнил Митя с холодком нового бесстрашия (колочий шарик снова чуть шевельнулся).

Завуч Галина Валерьевна хлопнула по лаковому столу.

— Мальчишка!

«Смешно. Конечно, мальчишка. Вот обругала...»

Директриса слегка порозовела.

— Зайцев, вы переходите границы. Выбирайте слова.

— А как их выбирать? Думаете, легко? Вы поставьте себя на мое место и попробуйте... когда все на одного.

В глазах щипало. Но не от слез. От яркого света. Позади стола было большущее, во всю стену, окно. За ним

сияло безоблачное бабье лето. После двух недель сентябрьского ненастья оно было как чудо. Как подарок. Жить бы да радоваться!

Педсовет на фоне окна смотрелся силуэтами, лиц почти не разглядеть. Будто темное многоголовое существо. А он, Митя, как Иван-царевич перед Горынычем. Только без меча и кольчуги.

«Ну, давай, давай, пожалей себя...»

«Я не жалею. Просто... надоело уже».

Двадцатипятилетний «географ» Максим Данилинович (именно Данилинович, а не Данилович) сообщил с веселой снисходительностью:

— Нам незачем ставить себя на твое место. Мы не претендуем на роль террористов.

— Ну и я... не претендую.

— Вот и молодец, — непонятно отозвался Максим Данилинович. Отвернулся и погладил славянскую бородку. На фоне окна бородка эта казалась черной, а на самом деле была русая. Из-за нее, да еще из-за отчества, географа прозвали «Князь Даниил Галицкий». Девочки-старшеклассницы сохли по нему. Ходили слухи, что и он к некоторым равнодушен.

— Это становится скучно, — заявила похожая на маекенщицу Яна Леонтьевна, преподавательница музыки. (Она пришла в лицей только в этом году, и все знали, что Князь «положил на нее глаз».) — Сколько можно тянуть одну ногу? И где Лидия Константиновна? По-моему, это ее обязанность: выколачивать признания из своих питомцев.

Директорша Кира Евгеньевна поморщилась:

— Я отпустила Лидию Константиновну на три дня в Затомск, на свадьбу внучки. И это хорошо. Она просто слгла бы, узнав о случившемся...

Остальные молчали. Знали, что от классной руководительницы седьмого «Л» в таких делах толку мало. Словесник она неплохой, но с классом еле справляется и, судя по всему, «тянет» в лицее последний год.

— Ведь вроде бы неглупый человек, — вступила опять Галина Валерьевна, «старший завуч». Она была худа, похожа на д'Артаньяна в платье, и силуэт ее торчал выше остальных. — Да, не глуп. Шестой класс закончил без троек. А понять простой вещи не может... Почему?

— Что? — сказал Митя.

— То, что своим запирачеством ты у-су-губ-ляешь вину.

— Какую вину? — сказал Митя. Он смотрел на верхушки кленов за окном. Зеленых листьев на них было еще больше, чем желтых. И лишь одна верхушка пожелтела почему-то вся, горела лимонным пламенем.

Галина Валерьевна снова опустила на стол мушкетерскую длань.

— Твою вину, Зайцев! Твою! Ту, про которую знают все! Есть свидетели!

— Кто?

— Да хотя бы этот... клоун с фотографии! Твой неразлучный и давний дружок! Вот этот! Вот!.. — Она двинула по скользкому столу газету. Недавний номер «Гусиного пера». В столе отражалось окно, и газету было не разглядеть. Но Митя и так понимал, что на газетной странице. Фотография. Та, где он сыплет из ведра картошку, а Елька встал на руки и машет в воздухе ногами (с одной слетела кроссовка).

Вовсе не были они давними друзьями. Их настоящее знакомство началось всего-то месяц назад, когда в семье Зайцевых опять случился «конфликт отцов и детей».

Это образованная мама так печально именовала Митины споры с родителями. Образованный папа выражался короче: «Ну, началось». После чего вспоминал иногда, что он мужчина и у него есть ремень.

В то ясное утро августа «началось» из-за тетради. Из-за французской. Митя увидел ее в магазине «Деловые люди» и обомлел от восхищения. Тетрадка была в переплете из искусственной кожи с оттиснутым на нем средневековым замком и рыцарскими гербами, с лощеной бумагой, толстая, листов сто пятьдесят. Сразу же стало ясно: если писать в такой тетради черной капиллярной ручкой повесть «Корсары Зеленых морей» (которую он задумал в июле), она, эта повесть, потечет сама собой. Как вода из крана.

Но тетрадь стоила тридцать два рубля (да еще ручка семь с половиной). Мама сказала, что это сумасшествие. За такие деньги можно купить семь нормальных общих тетрадей.

— Но мне же не надо семь! Мне надо одну! Эту!

— Пожалуйста, не устраивай истерику! Папе выдали зарплату только за май. А моя — курам на смех. Ты это прекрасно знаешь.

Митя знал. Но...

— Я же не мотоцикл у вас прошу! Даже не роликовые коньки! И не дурацкий сидеромный диск с компьютерными стрелялками! Одну-единственную тетрадку! Жалко для родного сына, да?

— Ну, началось! — Папа принял, было, грозный вид, но вспомнил, что у него сегодня масса редакторских дел и надо с утра беречь нервы.

— Между прочим, — ровным голосом сказал он, — многие современные литераторы пишут книги на компьютерах.

— Вы же меня к нему не подпускаете, к вашему компьютеру!

— Это по вечерам, — напомнила мама, — а днем он свободен. Но ты, по-моему, не очень-то к нему рвешься. Нормальных детей не оттащишь от монитора за уши, а ты...

— Ага! А если бы я к нему липнул, вы бы сразу: «Почему ты только и знаешь торчать у компьютера и ничего не читаешь!»

— Все хорошо в меру, — уклончиво сказал папа. Он почувствовал в словах сына логику. А логику папа ценил. Потому что он был редактором научного бюллетеня в Институте физики металлов. — Чрезмерное увлечение компьютерными играми вредно, но для творческой работы компьютер незаменим.

— На нем пишут всякие халтурщики!

— По-твоему, я халтурщик?

— Ну, чего ты меня ловишь на слове! Я не про тебя! Ты же пишешь металлургические статьи, это же совсем другое дело, это наука и техника! А нормальные книжки

на компьютерах не сочиняют! Только всякие боевики, где внутри лужи крови, а на корочках голые тетки.

— Дмитрий! — Это мама.

— Ну, что «Дмитрий!» Не я же их там рисую!

— Ты мог бы поменьше смотреть на такие корочки.

— А я вообще не смотрю! Больно надо! Что вы меня сбиваете! Я про тетрадку, а вы про голых теток!

— Это ты про них, — сдержанно заметил папа. — У тебя нездоровая фантазия.

— Это у вас нездоровая! А у меня здоровая! Я хочу про летние приключения писать, а не... про это. А на компьютере я не могу! Когда придумываешь, в голове шевелятся всякие мысленные находки и передаются пальцам, как живые. И пальцы пишут!.. Папа, ну скажи! Твой любимый Булгаков мог бы написать «Мастера и Маргариту» на компьютере?

— Ты еще не Булгаков, — сообщила мама очевидную истину.

Папа — худой, почти двухметровый, стоял, согнувшись в дверном проеме и вжимался в косяк поясицей (наверно, опять болела). Он поскреб щетину на подбородке (бриться не любил).

— Видишь ли, уровень техники при Булгакове был совсем иной, и смешно утверждать, что...

— Смешно утверждать, что на творчество может влиять качество бумаги или внешний вид тетрадной обложки, — перехватила разговор мама. — Александр Грин писал великолепные романы в старых конторских книгах.

«Да! Но если бы он увидел эту тетрадь...» — И Митя заплакал. В душе.

Мама за строгостью тона спрятала жалость к единственному сыну:

— И нечего смотреть такими глазами. Что за мода! Парню тринадцатый год, ростом уже с меня, а чуть что — и глаза намокают, как у первоклассницы.

— Ничего у меня не намокает, — сумрачно сообщил Митя и толкнул в карманы кулаки с такой силой, что мятые заслуженные шорты съехали до низа живота. Он дернул их обратно и мимо отца стал пролезать в дверь, чтобы горестно уединиться в своей комнате.

Папа посторонился. Вообще-то он готов был уже «расколоться», но педагогика требовала единства родительской позиции.

— Ты должен понять, что денег в самом деле кот наплакал. И еще не уплачено за телефон. Мы с мамой вкальваем, как завербованные ишаки... — Для пушей убедительности папа вспоминал иногда лексику стройотрядовских времен.

Митя оглянулся в коридоре.

— А я, что ли, не вкальвал? Я целый месяц горбатился на дяди-Сашинем огороде, когда вы собирали в лесу цветочки и ягодки...

Это была правда. Или что-то близкое к правде.

С середины июля до середины августа семейство Зайцевых гостило у папиного друга детства Александра Сергеевича Кушкина (почти Пушкина!). Кушкины уже не первый год принимали друзей у себя, выделяли им комнату в своей просторной избе. Впрочем, Митя чаще обитал на пустом сеновале — вместе с Вовкой, сыном дяди Саши. Там они оборудовали себе каюту (хотя мама уверяла, что эти игры закончатся пожаром).

Были Вовка и Митя одногодки и летние друзья-приятель. И случались у них всякие приключения (о которых Митя и собирался писать в «Корсарах Зеленых морей», а вовсе не о пиратах и кладах). Но, кроме того, Вовка, сельский житель, помогал родителям в их деревенской работе — не все же время играть в Тарзана да мячик гонять. А Митя помогал Вовке. В прошлом году — от случая к случаю, а этим летом — всерьез. Неловко стало бездельничать, когда товарищ в трудах. Вместе они гнули спины на огородных сотках, и не всегда это было радостно, зато совесть не кололась, как крошки в постели. Приключения же потом делались еще интереснее.

А три дня назад дядя Саша на своей расхлябанной «копейке» привез в город к Зайцевым мешок свежей картошки. Сообщил, что это Митин заработок. Раньше, в колхозе, это называлось «трудодни».

Папа сказал:

— Саня, ты что, спятил в своей сельской местности? Дитя трудилось бескорыстно.

Мама замахала руками:

— Александр Сергеевич, как вам не стыдно! Везите обратно!

Однако дядя Саша ответил, что это не их, мамы и папы, дело. Они законесли в своих дореформенных взглядах. А Митяке надо расти в нынешнем рыночном мире, где основа отношений — справедливая оплата труда.

Мите и неловко было, и все же приятно: первый в жизни заработок. Но он, как и родители, недоумевал: где этот мешок держать? Ни подвала, ни сарая, ни гаража у Зайцевых не было. Картошку круглый год малыми порциями покупали в ближайшей овощной лавке, Митя возил ее в хозяйственной тележке. Каждый раз была морока забираться в лифт — квартира-то на пятом этаже.

Дядя Саша сказал, что нет проблем: пусть мешок стоит на балконе.

— А что будет, когда придут холода? — наивно воскликнула мама.

Дядя Саша сказал, что «до холодов вы эти запасы сложаете за милую душу».

«Лопать» еще не начинали, мешок так и стоял, полный под завязку. И должен был напоминать старшим Зайцевым, что сын их не бездельничал все лето напролет.

И мама вспомнила. Сказала Мите вслед:

— Конечно, ты «вкальвал». Но и получил за это целый мешок.

— Я, что ли, с мешком должен идти в магазин? «Продайте мне тетрадку за десять кило картошки!» Да?

— Ты можешь сначала реализовать свой товар, — подала голос из комнаты мама. — Поспрашивай соседей, не нужен ли кому-нибудь картофель. Или... я видела, как такие же мальчишки на улицах и на рынке торгуют овощами со своих огородов.

— Это вполне в духе времени, — добавил папа.

Конечно, это было форменное издевательство. Конечно, они знали, что ничего «реализовывать» Митя не станет! Потому что он (по маминым словам) «храбрый только с родителями, а в нестандартной обстановке — тише овечки». Это была не вся правда, но опять же близко к правде. И уходя на работу, мама с папой и помыслить не могли, что предпримет их ненаглядный отпрыск.

А он приступил к задуманному.

Разумеется, начиная это дело, Митя не верил, что доведет его до конца. Это были только «ростки робких намерений, весьма далеких от исполнения». И все же он пошел на балкон и развязал мешок.

Картошка была крупная. Клубни один к одному, но довольно грязные. В сухой земле. Надо было придать им товарный вид — так он подумал. С мешком было не управиться, дядя Саша говорил, что в нем четыре пуда. Раза в полтора больше, чем в самом Мите. Он стал накладывать картошку в красное пластмассовое ведро, таскать и высыпать в ванну. Потом выхлопал опустевший мешок с балкона — к неудовольствию соседки с четвертого этажа Серафимы Сергеевны. И пустил в ванну воду.

Каждый клубень он мыл в прохладных струях. Вытирал полотенцем для рук и отправлял обратно в мешок. Сперва казалось — работе не будет конца, но часа через полтора все было готово. Что стало с полотенцем — особый разговор. Зато клубни теперь выглядели, будто розово-желтые поросята.

Митя все тем же полотенцем вытер пол, вымыл (то есть постарался вымыть) ванну. Смыл с лица и ног серые подтеки, сменил футболку. Сел на перевернутое ведро в позе известной скульптуры «Мыслитель».

Что дальше-то? Как доставить товар на рынок? (Как продавать, он пока не думал, страшно было.) На хозяйственной тележке больше пуда не увезешь. Это что же? Четыре раза туда и обратно топтать через полгорода?

Хорошо бы раздобыть какой-то транспорт. И помощника. Да, именно помощника! Вдвоем все трудные вопросы решать легче. Но главный приятель, сосед и бывший одноклассник Шурик Таманцев, был еще на даче. Пойти к Вадику Полянскому? Но много ли проку в таком деле от сверхвоспитанного скрипача и шахматиста? К тому же, никаких телег у Шурки и Вадика наверняка нет...

Митя отправился на двор. Он слегка кручинился, но и радовался в душе — никого не найдет, и совесть будет чиста. Я, мол, отступил от планов не по малодушию, а под давлением обстоятельств.

На дворе томились от зноя разлапистые клены. У дальнего подъезда подвывала противоугонной гуделкой пустая «девятка». Никто не обращал внимания — такие системы включаются от любого чихания. Да и некому было обращать. В тени сидели на лавочке две бабушки, сонно качали перед собой коляски. Ходили голуби, не глядя на кудлатую кошку Марфу, которая делала вид, что охотится, а на самом деле валяла дурака. В ближнем

открытом гараже слышны были мужские голоса и звякали стаканы. А ребят — нигде никого...

Хотя нет, один был! В дальнем краю двора, у тополей, зацепившись ногами за перекладину качелей, мотался вниз головой пацаненок в пестро-синей, похожей на платице одежонке. Надежды на этого мелкого почти не было, но все же Митя пошел к нему. Для окончательной очистки совести.

— Елька, привет!

Он помнил, что пацана зовут Елька. Не знал только, имя это или прозвище. Елька был нездешний. Жил он где-то в соседнем квартале, в Тракторной усадьбе, а сюда заглядывал лишь временами — погонять футбол, прокатиться на чужом велике, поиграть в чехарду и вышибалу. Наверно, там, в Усадьбе, не было у него дружков-ровесников.

Относились к Ельке терпимо. Был он дурашливый, неунывающий и ловкий. Например, мог разогнаться на велосипеде, бросить руль, вскочить на седло и проехать так с десятков метров. Умел свистеть по-птичьи и жонглировать мячиками. Его никогда не обижали — даже те, кто считал себя крутыми. Но и всерьез не принимали. Больно уж какой-то мельтешащий. Да и не с этого двора, к тому же...

Елька упал на руки, постоял так, почесал кроссовкой шиколотку. Прыжком встал на ноги. Показал в растянутой улыбке большие неровные зубы. Тоже сказал «привет». И стал смотреть на Митю с веселым вопросом. У него были длинные, чуть раскосые глаза, темные волосы-сосульки и очень вздернутый нос — будто его нажали вверх пальцем. Две черные дырки целились в Митю, как маленькая двухстволка.

— Елька, не знаешь, где достать ручную тележку? Ну, такую, чтобы тяжелый мешок перевезти.

Елька сказал сразу:

— Знаю, конечно. У нас в сарае.

Это была удача. Хотя и досада — теперь не отвертеться. Но досаду Митя решительно задавил в себе. Сказал деловито:

— Дашь напрокат?

— Дам, конечно. А для чего?

— Да так, дельце одно... Надо продать мешок картошки. Понимаешь, заработал в деревне, а хранить этот сельхозпродукт негде. И деньги нужны, к тому же... Хочу на рынок свежить.

Елька поскреб макушку.

— Зачем на рынок-то? Это вон куда пилить! И торговать не дадут, сразу прискребуются рэкетеры всякие. У них там все поделено, платить надо...

«Этого еще не хватало! Слышала бы мама...»

— А что делать-то?

— Торговать можно везде. Где-нибудь на улице... Я знаю одно место!

— Далекое?

— Ничуть не далеко! В двух шагах за Усадьбой. Там даже не улица, а просто дорога. Но по ней все время народ топает: кто на остановку Ключи, на автобус, кто в Первомайский супермаркет... У этой дороги в том году даже продуктовый киоск стоял, да потом его сожгли.

— Зачем?!

— Ну, конкуренция, — со знанием торговой специфики отозвался Елька. — Дело обыкновенное.

— А меня не это... не сожгут? — Митя сделал вид, что шутит. Но Елька понял правильно.

— Не-е! Не успеют! У тебя же всего один мешок! Мы его за один час!

— Слушай... а ты, значит, поможешь, да?

Он сказал с прежней готовностью:

— А чего ж! Конечно! — И деловито вытер пыльные ладони о полинялую, но чистую (видачь, недавно выстиранную) рубашку, о лиловые и голубые квадраты с белыми и черными кораблями, штурвалами и даже осьминогами. Рывком заправил ее под резинку, в такие же штаны, и

стукнул о землю потрепанными кроссовками.

— Пошли за колесами!

ТЕБЕ ПОЛОВИНА И МНЕ — ПОЛОВИНА

Трудно поверить, но за три года (с того дня, как переехали сюда, в двухкомнатный «кооператив») Митя ни разу не был в Тракторной усадьбе. Хотя она под боком! Просто не подворачивался случай. Школа, магазины, остановка трамвая были в другой стороне. По краю Усадьбы Митя проходил изредка, если шел в Первомайский магазин или в аптеку за мазью для папиной поясницы, а внутрь не совался. Не было желания. Казалось, что жили там с недобрыми нравами. Наверно, косо глядят на чужаков.

Но сейчас никто косо не глядел. Вообще не смотрели на Митю и Ельку. Несколько мужиков с татуированной мускулатурой за дощатым столом пили пиво и стучали доминошками. Две тетki натягивали между деревянными балконами веревку с мокрым бельем. Ходили по асфальтовым дорожкам сонные псы. Лениво посторонились, когда мимо прокатил на трехколесном велосипеде румяный дошкольник — совсем такой же, как мальши в Митином дворе. Он помахал Ельке (и Мите заодно) синей пластмассовой саблей.

Усадьба состояла из десятка двухэтажных домов — бревенчатых или обитых почерневшим тесом — с решетчатыми балконами и верандами. Построили их для рабочих Тракторного завода в давние времена, которые у взрослых назывались «довоенные». Удивительно, что такая старина сохранилась рядом с центром. Вон, торчит над крышами белый двадцатизэтажный дом областного правительства (конечно же — «Белый дом»), а здесь — деревенская тишь. Густая зелень рябин, сирени и высоченных тополей. И даже дубы есть, хотя в здешних местах они редкость.

А травы — выше головы! Особенно много той, у которой пунцовые и розовые цветы, похожие на маленькие орхидеи. Митя и раньше видел такую на обочинах, но отдельными кустами, а здесь — целые рощи! Не поймешь даже — сорняк это или развели нарочно...

Елька привел Митю к длинному сараю, сбегал за ключом, выкатил сквозь широкие двери сооружение на больших, как у деревенской телеги, колесах. Фанерный короб с короткими оглоблями.

— Во! Ее для сбора бутылок соорудили...

Митя постеснялся спросить, кто именно собирал бутылки. Какое его дело! Несмотря на громоздкий вид, телега оказалась легкой на ходу. Они бегом докатили ее до Митинового подъезда. Елька прихватил с собой еще маленькое жестяное ведерко.

— Вдруг кто-нибудь захочет мелкую порцию!

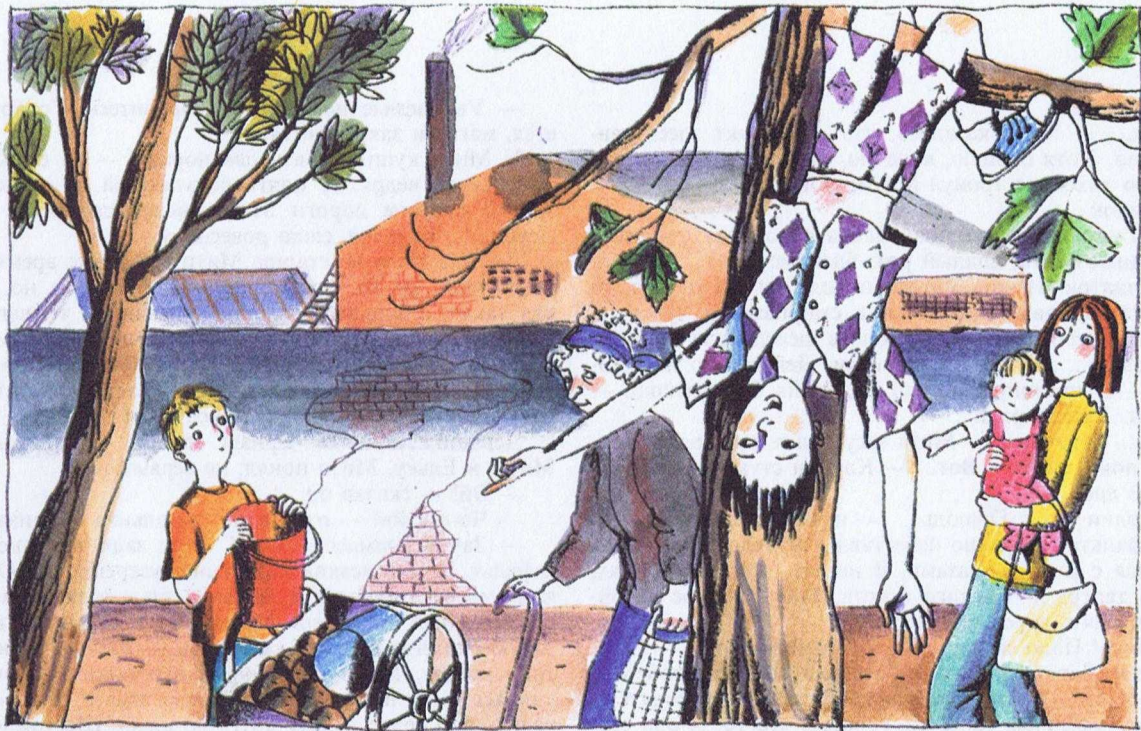
Митя лишь дивился Елькиной практичности.

С полчаса провозились с погрузкой. Сперва доставляли картошку вниз ведрами, а оставшуюся треть (с натургой!) приволокли прямо в мешке. Ящик оказался почти полным.

Впряглись, потянули. Ого! Это вам не пустую телегу катить! Но поднажали, и она поехала. Опять пересекли Усадьбу. Выбрались на асфальтовый тротуар, что вел вдоль заброшенных домов — с узорчатыми разбитыми крыльечками и прочими остатками старинной красоты. И снова Митя подумал: «Странно как! Я и не знал, что рядом такая глушь. Вот домашнее дитя...»

Перешли улицу Полярников с трамвайной линией, затем пыльный сад на задах торговых складов и выкатили свой груз на асфальтовую полосу между старых тополей и кленов. Тротуар — не тротуар, дорога — не дорога. Видимо, та самая. Народу здесь и правда было много. Особенно пожилых тетушек с сумками. Бодро шагали туда-сюда. Неподдалеку вскрикивали электрички, и виден был меж деревьев решетчатый мост над рельсами.

Елька умело выбрал полянку под кленами, у самого асфальта.

— Приехали. Давай...

Митя хлопал ресницами. Что давать-то?

Елька прыгнул на колесо, накидал в красное ведро клубни — до верху. Чуть не упал от тяжести, когда протянул сверху Мите. Тот подхватил торопливо и виновато. Елька наполнил и жестяное ведро. Прыгнул на траву.

Оба ведра они поставили на обочине. Сами встали рядом. Елька — беззаботный и независимый, Митя... ох, провалиться бы куда-нибудь...

Но не провалился. Почти сразу подошел широкий парень в темных очках, с оранжевым рюкзаком за плечами и с тросточкой. Стукнул тросточкой по большому ведру.

— Почему фрукты-овощи?

Митя заморгал, глянул на Ельку. О цене-то не подумали! Елька, видать, тоже растерялся. Первый раз сегодня.

— Сейчас, — заторопился Митя. — Минутку... — В мозгах будто защелкал калькулятор. Старую картошку Митя в июле покупал в овощном магазине по шесть рублей за кило. Свежая, конечно, дороже. На сколько? На рубль? И сколько килограммов в ведре? Десять? Значит, ведро — семьдесят рублей?

Парень, однако, не стал ждать.

— Коммерсанты! Прежде чем соваться в торговлю, определитесь в условиях рынка, салаги. — И пошел, вихляя своей альпинистской поклажей.

— Я думал, ты знаешь, почему продавать, — виновато сказал Елька. А в чем он был виноват-то?

Митя хлопнул себя по глупому лбу и быстро поделился расчетами.

— Тебе как надо продать? — снова обрел деловитость Елька. — Подороже или побыстрее?

— Побыстрее!

«Ох, побыстрее...»

— Тогда большое ведро по шестьдесят, маленькое — по тридцать. А можно еще и половинками, если кто захочет...

«А можно и совсем мелкими кучками», — хотел предложить Митя. Но не успел. Елька исчез.

То есть он сиганул куда-то! Вверх! Митя обалдело вскинул голову. Елька висел на клене вниз башкой, как летучая мышь. Его побитые ноги цеплялись за толстый сук, рубашка съехала на грудь, ниже уха болтался на суровой нитке алюминиевый крестик. И в таком вот положении Елька жизнерадостно, будто клоун при выходе на арену, завопил:

— Дамы и господа! Спешите скорее сюда! Вы когда-нибудь ели сладкие бататы из индейской долины страны Нукаригва?! Конечно, не ели! И не надо! То, что вы купите у нас, в тысячу раз питательнее и вкуснее! Сплошные

витамины! А цена! Это никакая даже не цена, а только половинка цены!...

Митя обомлел, увидев, как их «торговую точку» обступает народ. Дядьки-пенсионеры, женщины с сумками, несколько парней и девиц студенческого вида (им-то что, лишь бы поглазеть!). Полная тетя в цветастой косынке деловито спросила:

— Почему ведро?

Елька опередил Митю, сообщил с дерева:

— Всего шестьдесят! Смешная цена!

Тетя осуждающе покачала головой (видимо, для порядка), но торговаться не стала. Разверзла пасть большущей сумки на колесах.

— Сыпь.

Митя с натугой поднял, вывалил картошку. Суетливо поднял упавшие мимо сумки клубни. Не считая, скомкал и сунул в карман на шортах деньги. Уши были горячими. А Елька опять бесстрашно заголосил:

— Дорогие покупатели! Не нужны вам заморские страны! Не нужны ананасы и бананы! Наша картошка заменяет все фрукты и овощи! Покупайте и радуйтесь! Всего за полцены! Лишние деньги нам не нужны!...

Молодой женщине, за которую цеплялся толстый карапуз, понадобилась порция из маленького ведра. Митя высypал ее в корзину. Малыш вцепился в край корзины.

— Дай...

— Нельзя, Андриюшенька.

— Ы-ы-ы!..

Елька упал с клена. Скакнул на телегу, выхватил из ящика фигурный розовый клубень, прыгнул к Андриюшеньке.

— На! Сладкий, как груша «аквапуа»!

Андриюшенькина мама засмеялась. Те, кто стоял рядом, тоже. Сразу две женщины с сумками-тележками потребовали по большому ведру. Елька, балансируя на колесе, ловко наполнял посуду. Протягивал Мите...

Потом наступил перерыв. Оказалось, что на дороге никого. Елька присел на корточки и, задрав нос-двухстволку, смотрел на Митю — весело и вопросительно: «Ну, как?»

Митя было неловко, будто он сам только что болтался вниз головой перед зрителями и декламировал. Но... прежнего страха уже не было. Стало даже интересно.

— Нормально, Елька. Только... ты бы не кувыркался все-таки, как в цирке...

— А почему? Это же реклама. Да ты не стесняйся, люди-то на меня смотрят, а не на тебя! — Он будто видел Митю насквозь.

— Елька, много там еще в коробке?

— Половина!

— Ох... — Мите казалось, что он торчит здесь давным-давно. Хотя прошло, конечно, минут пятнадцать.

Кто-то тихонько тронул Митин локоть:

— Сынок...

Рядом стояла сморщенная бабка (и откуда взялась?). Ростом ниже Мити, впалый рот, блеклые глаза, пыльный зимний платок. Из-под мягкого подола (то ли платья, то ли халата) высывались ноги в сморщенных чулках и мужских полуботинках. Бабка опять шевельнула губами:

— Сынок... дай две картошечки. Денежек-то нету совсем... — И протянула мятый бидончик без крышки. — Вот сюда. Христа ради...

— Да... конечно... — Митя засуетился, выбирая картофелины покрупнее. — Вот... — Клубни стукнули об алюминиевое дно.

— Храни тебя Господь... — и бабка двинулась по краю асфальта, неспешно переставляя полуботинки. Митя встретился с Елькой глазами. В них, в Елькиных глазах, не было теперь клоунского азарта. Был... вопрос какой-то. Митя опять огрел себя по лбу.

— Елька! Надо ей насыпать полный бидон!

— Ага! Давай, я... — Он схватил ведро, побежал, выгибаясь от тяжести, догнал бабку. Начал совать в бидон картофелины. Кажется, говорил что-то. А она стояла обмякшая. Почти что испуганная...

Елька побежал обратно, а бабка мелко крестила его вслед. У Мити нехорошо зацарапало в горле. Будто он виноват был и перед этой старушкой, и перед всем белым светом.

— ... Вы так ни хрена прибыли не поимеете, дженгльмены, — раздался рядом юный басок. — Благотворительность и бизнес две вещи несовместимые, как говорил классик.

Это подкатил на велосипеде парень лет восемнадцати — в обрезанных джинсах, в майке с портретом какой-то рок-звезды, в сдвинутых на лоб очках-зеркалах.

— Научить вас торговать?

— Обойдемся, — буркнул Митя. Не очень, правда, решительно.

— Невоспитанный ребенок... Ладно, вали ведро в кузов, беру не торгуясь.

К багажнику была приторочена пластмассовая корзина (вроде тех, что в магазинах самообслуживания). Митя ухватился было за ведро. Но умный Елька сказал:

— Сперва деньги.

— Ты что, юноша! А где доверие фирмы к покупателю? Я такого отношения не приемлю!

— Тогда жми отсюда, — бесстрашно посоветовал Елька.

— Тю-у, какой невежа! Я вот обтрясу с тебя морскую атрибутику! — Парень перекинул ногу через раму. У Мити вмиг осело вниз живота все нутро. А парень опустил очки, как забрало. — У вас патент на торговлю есть?

— Вон люди идут, — сказал Елька. — Сейчас крикну, будет тебе патент и счастливый момент. С печатью на заднице.

И правда, от моста двигались прохожие, человек десять. В том числе два военных. И парень укатил с резвостью велогонщика.

«Уф... Что я делал бы без Ельки?»

А Елька схватил три картофелины, бросил над головой и... зажонглировал, как цирковой артист.

— Господа, подождите минутку! Гляньте, что за картошка! Лучше картошки, чем эта, больше нигде даже нету!

И опять их обступили. Кто-то смеялся. Седоусый дядька спросил цену и раскрыл большущий, старинного вида саквояж.

— Съешьте, артисты. Глядеть на вас — полный спектакль.

А Елька не унимался. Он щедро кинул в саквояж свои три клубня (сверх того, что вывалил Митя) и встал на руки. И пошел так вокруг телеги.

— Уважаемые покупатели, торопитесь! Товар кончается, магазин закрывается!

У Мити купили сразу две порции — из большого и маленького ведра. И опять покупателей не стало. А на другой стороне дороги Митя увидел странную девицу. Девочку... Кажется, свою ровесницу.

Да, она была не старше Мити и в то же время какая-то крупная. Не то чтобы толстая или грузная, но... широкая такая, с большой головой, усыпанной темными кудряшками, толстогубая. С серьгами-полумесяцами. Ну, прямо африканское создание. На ней были тесные истертые джинсы и просторная кофта — настолько разноцветная, что куда там Елькиному костюму!

Девчонка подняла черный аппарат и нацелилась на Митю и Ельку. Митя понял: не первый раз!

— Эй! — сказал он.

— Чего «эй»? — отозвалась нахальная «африканка».

— Зачем снимаешь? — И Митя зашагал к ней через асфальт. Но без всякой внутренней уверенности. Он более или менее разбирался в людях и знал: у таких вот особ решительный характер. Может и накостьлять по шее. Тем более, что весовые категории — разные, и не в Митину пользу. Мало того, он ее вспомнил! «Африканка» училась в их лицее, тоже в шестом классе, только встречались они редко и друг друга не знали. Шестой «Л» (литературный) и шестой «А» (архитектурный) занимались в прошлом году в разные смены.

Митя однажды видел, как у раздевалки в эту особу врзался с разбега щуплый резвый пятиклассник. Она поймала его за ворот, вздернула под мышку и отсчитала бедняге по макушке несколько крепких щелчков — при одобрительном молчании дежурной учительницы.

Как бы и здесь не случилось что-то похожее.

Но девочка глянула спокойно. Глаза были коричнево-бархатные и нисколько не сердитые.

— Ты чего перепугался? Я же не для компромата снимаю. Вы же ничего плохого не делаете, а наоборот...

— А зачем тебе это «наоборот»? — сурово и подозрительно спросил Митя (Елька смотрел издали).

— Ну, так просто. Уличная сценка. Я их собираю для интереса. Для своей коллекции.

— Спрашивать надо, прежде чем собирать, — пробурчал Митя.

— Но зачем! Если всех на улице спрашивать, ничего толком не снимешь!.. Разве бы он стал так бегать на руках, если бы я спросила: «Мальчик, можно тебя сфотографировать?»

— Не-а, я бы не стал... — Оказывается, Елька уже подошел.

— Вот видишь, — сказала «африканка» и закрыла объектив. И вдруг улынулась Мите: — А я тебя знаю. Ты Зайцев из шестого «Л». То есть уже из седьмого. В нашем «Гусином пере» печатался твой рассказ, а я там зам. ответственного секретаря... Рассказ «Битва при Фермопилах», да?

Митя покраснел. Свой исторический опус он считал неудачным, написать его уговорила Анна Сергеевна, историчка... Скандаить теперь было совсем неудобно. Елька, видимо, считал так же. Он — человек практичный, он сказал:

— А карточку дашь?

— Да, — отозвалась она. — Даже две. Скажите ваши адреса, я принесу.

— Не врешь? — Елька насмешливо нацелил на девицу с аппаратом нос-двухстволку.

Она сообщила веско:

— Я никогда не вру, если речь идет о профессиональных делах. Журналист должен беречь свое имя.

— А оно какое? — тем же тоном поинтересовался Елька.

— Меня зовут Жанна Корниенко, — и качнула серьгами.

— «Стюардесса по имени Жанна», — вспомнил Елька известную песенку.

— Тебя давно не учили хорошим манерам?
Елька подумал и сказал, что никогда не учили.
— Это не поздно исправить.
Елька встал на руки и ушел через дорогу, на которой плясали солнечные пятна. Митя и Жанна посмотрели ему вслед.

— Адрес-то скажи, — напомнила Жанна. — Куда принести снимки?

«Неужели правда принесет?»

— Улица Репина, дом двадцать, квартира тоже двадцать. Первый подъезд. Запомнить легко... А телефон — почти сплошь четверки: сорок четыре, ноль четыре, сорок один.

— Я запомню.

Елька между тем сыпал картошку из маленького ведра в сумку очередной покупательницы. Потом звонко сказал:

— Мить, все! В ящике пусто!

— Тебя, значит, Митя зовут? — спросила Жанна, старательно застегивая чехол «Зенита».

— Значит, так... Ну, пока.

— Пока! — И она пошла под кленами в сторону моста. Яркая такая, цыганистая. Серьги отбрасывали солнечные вспышки. Митя подбежал к Ельке. Тот протянул на ладони три мятые десятки.

— Вот...

— Подожди... — Митя кинул десятки в ведро. Потом стал выгребать остальной заработок. Шорты на бедрах оттопыривались от затолканных в карманы скомканных бумажек и съезжали от тяжести монет. Митя побросал в ведро все деньги. — Давай считать.

Сидя на корточках, они принялись перекладывать деньги из маленького ведра в большое. Набралось триста тридцать два рубля.

— Непонятно, почему так, — вздохнул Елька. — Мы же маленькими кучками не продавали нисколько, мелочи быть не должно.

— Да ладно! — с удовольствием откликнулся Митя. — Все равно куча денег. У меня столько не было ни разу.

Елька молчал.

Почти треть суммы составляли металлические пятирублевки. Митя отсчитал одиннадцать десятков, одну пятерку и добавил еще рублевую денежку. Давать Ельке много монет не стоило, его трикотажные кармашки не вынесли бы этого веса. Митя встал, затолкал опять свои деньги в карманы, а Ельке протянул его долю:

— Держи.

Елька глянул, не поднимая лица:

— Зачем?

Сейчас, когда он смотрел исподлобья, лицо его стало не дурашливым, не клоунским, а... в общем, совсем другим. В глазах — испуганный вопрос.

— Ну... — слегка растерялся Митя. — А как же? Ты же работал, помогал...

— Ага. Ты сказал «помоги», я сказал «ладно». За деньги разве помогают?

— Но ты же... вон как помогал! Изю всех сил! Мы же вместе работали. Значит, и деньги общие.

— Да картошка-то твоя!

— А... да я бы ни одной не продал без тебя! — со всей искренностью выдохнул Митя. — Елька! Куда бы я без твоей телеги? И без твоей рекламы!

— За рекламу хватит и пятерки, — как-то скучно отозвался Елька. Помусолил палец, извернулся, начал оттирать на ноге, на острой косточке, прилипшую пыль.

Стало Мите неудобно, словно опять в чем-то виноват.

Он потуже затянул ремешок, присел перед Елькой.

— Ты обиделся, что ли?

— Я? Ни капельки! — И опять он сделался прежний, готовый пройтись колесом.

— Постой... Елька! Должна же быть справедливость! Почему ты не хочешь? Мы же вместе все делали. Значит... давай как в песне!

Елька опять настоительно вскинул глаза:

— В какой?

— Ну... просто я вспомнил одну, старую. Там такой припев: «Тебе — половина и мне — половина»...

Елька мигнул, опять лизнул палец, почесал им подбородок. Растянул в нерешительной улыбке губы.

— Тогда... ладно. — И протянул растопыренную ладонь.

Он затолкал бумажки в нагрудный карман, а рублевую монетку положил на колено.

— Сейчас загадаю... — И щелкнул по ребру денежки. Денежка, сверкая, улетела на асфальт. Елька подбежал, схватил. — Орел! Значит... так и надо.

— А что ты загадал?

Он сказал с тихим вздохом:

— Секрет.

Ну, секрет так секрет. Они впряглись в пустую тележку и бодро двинулись к дому (ведра погромыхивали в фанерном ящике).

— Елька, ты где научился так выступать? И акробатничаешь, и жонглируешь...

Он сказал с готовностью, без веселья:

— А, помаленьку... отец иногда учил. Он в цирке работал. Сперва акробатом. А потом начал это... — Елька щелкнул себя по тоненькому горлу. — Ну и перевели в униформисты... Он мне много чего показывал. А если не получилось — бряк по затылку: «Не вешай нос, держи кураж!» Он, когда трезвый, то ничего бывал, не злой...

«Бывал...»

— Елька, а он что... Его уже нет, да?

— Есть, только неизвестно где. Мама Таня его поперла из дома год назад. Ну, он появлялся сперва, а потом уехал. Говорят, в Самару...

— А мама Таня... она твоя мама, да?

— Ага. Только не родная. Но она все равно лучше всякой. Родную-то я не помню, она от воспаления печени померла, когда я еще ясельный был. Ну, отец и женился на маме Тане.

Митьке бы не соваться в чужие беды. Но и молчать было неловко. И он скованно спросил:

— Значит, она лучше родного отца? Раз ты с ней...

— Когда они разошлись, он меня сперва с собой взял. Говорит: подготовлю, будешь в цирке выступать. А скоро начался такой «цирк»... Связался с какой-то, начали вдвоем керосинить, а меня в интернат... Я там за два месяца такого натерпелся... Слыхал, какая в армии бывает дедовщина? Ну, и там тоже... большие парни... Мама Таня меня на силу разыскала и забрала. Без всяких разговоров...

— Ты ей... купи что-нибудь хорошее, — неловко посоветовал Митя.

— Да не-е... Я просто ей все деньги отдам. То есть почти все. А себе куплю только пачку крабьих палочек. Знаешь про такие?

— Конечно! Я их во как люблю!

— Я тоже. Пуще всякого мороженого... То есть мороженое я вообще не люблю, потому что ненавижу снег... — И Елька сильно дернул плечами.

Продолжение в следующем номере

У нас, как и в любой школе, есть детская организация. И мы бы хотели наладить связи с организациями или клубами других школ.

301947, Тульская обл., Куркинский р-он, с. Андреевка. МАМИЛОВОЙ Ларисе.

Хочу познакомиться с девочкой примерно 12-ти лет. По гороскопу я Водолей. Люблю слушать различную музыку и еще люблю рисовать.

301280, Тульская обл., Болохово, ул. Ленина, 40—38. РУДАКОВУ Андрею (12 лет).

Посвящается 80-летию со дня рождения писателя Николая Ивановича Сладкова, первого автора и составителя этой рубрики в журнале

Постоянные читатели нашего журнала наверняка обратили внимание на то, что «Костер» часто пишет о природе, об экологических проблемах и охране окружающей среды. Природоведческие традиции журнала начинаются с самых первых номеров «Костра». Еще ваши бабушки и дедушки, мамы и папы с интересом читали в журнале произведения о природе В. Бианки, М. Пришвина, И. Соколова-Микитова, К. Паустовского, Н. Сладкова, очерки видных ученых-биологов. Нас всегда радовал живой отклик читателей на наши постоянные рубрики «Зеленые страницы» и «Твой верный друг». Мы продолжаем традиции нашего журнала, и в номерах этого года вы узнаете много нового и интересного о природе и ее охране, о своих сверстниках, увлеченных экологией, о детских и взрослых экологических организациях и движениях, сможете принять участие в различных конкурсах.

Бамбук

НОВОГОДНИЕ РАСТЕНИЯ

Вот и пролетели новогодние и рождественские праздники. Для всех нас обязательным украшением этих дней была пушистая, с вкусно пахнущей хвоей елка, которая появляется в эти дни практически в каждом доме. Но не для всех жителей нашей планеты Новый год и Рождество связаны именно с этим растением. Японцы, например, ставят у каждой двери связанные веточки сосны и бамбука — символ верности и долголетия. В Китае на новогоднем праздничном столе красуются нарциссы, а вьетнамцы дарят на Новый год своим друзьям цветущую веточку персикового дерева — хао дао. У народа Судана талисман счастья в Новом году — это зеленый, еще не созревший орех. На индонезийском острове Бали делают высокие колонны из стеблей риса, раскрашенные в разные цвета.

Сегодня мы расскажем вам о растении, без которого ни один новогодний праздник на «родине» Дракона в Юго-Восточной Азии. Это растение называется кинкан и родом оно из Юго-Восточного Китая. В настоящее время кинкан в дикой природе уже не встречается, а специально разводится человеком. Это растение относится к семейству рутовых. Ближайшие его родственники вам хорошо известны — это лимон, апельсин, мандарин. От них кинкан отличается своей миниатюрностью. Взрослое плодоносящее растение вполне можно поставить на праздничный стол. К новому году на деревце созревают круглые оранжевые плоды, размер которых не превышает 3 см в диаметре.

Плодоносит кинкан очень обильно, покрывая плодами практически все деревце. Такое растение выглядит очень нарядно и празднично. Плоды кинкана съедобны. Интересно, что употреблять в пищу можно не только мякоть, которая имеет кисловатый вкус, но и сладкую кожуру плодов. Как вы знаете, в странах Юго-Восточной Азии Новый год встречают по лунному календарю, и 2000 год, год Дракона, начнется 5 февраля. А растение, о котором мы вам рассказали, сейчас продается в цветочных магазинах многих городов России. Так что, при желании, еще можно успеть на восточный лад подготовить свой дом к встрече года Дракона!

Н. МЕДВЕДЕВА

Орех

Рис

ХОЛОДНЫЕ ЗИМОВКИ

Кроме перелетных и оседлых птиц есть еще птицы кочующие. Снегири, свиристели, поползни, синицы, дятлы, клесты, шуры, корольки, пищухи, пуночки всю зиму перелетают с места на место в поисках корма. Но где бы ни кочевали они, а к весне, как и перелетные, вернутся к своим гнездовьям.

Перелетные птицы зимуют на жарких зимовках — в Африке, в Индии, а вот оседлые и кочующие — на холодных. На их зимовках не теплынь и зелень, а холод и снег. Но они — приспособились. Оседлые — сойки, сороки, галки, вороны — зимой приближаются к жилью человека и там кормятся. Тетерева и рябчики клюют на деревьях сережки, а глухари хвою. Ночуют под снегом, как под пуховой периной. Кочующие приспособились и зимой находить еду: дятлы шишки долбят, синицы, поползни, корольки ловко обшаривают стволы и ветки, снегири и свиристели разыскивают ягоды рябины.

А когда сыт, то и мороз не так уж страшен. Сытому и на холодной зимовке тепло.

Рис. Н. Якубовской

Дятел

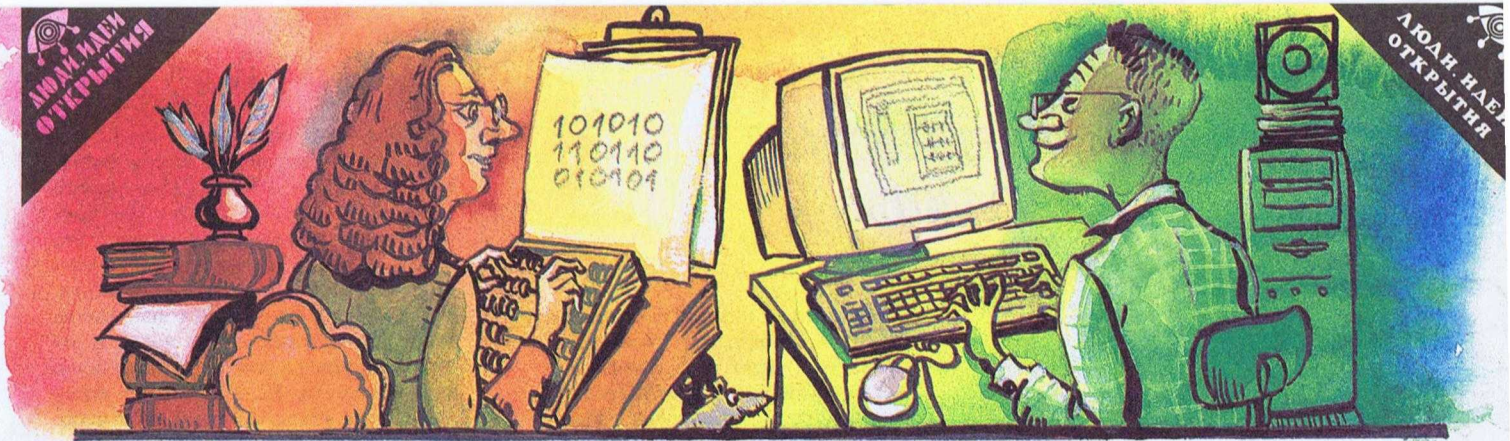
Снегирь

Н. СЛАДКОВ

Свиристель

ВСЕМОГУЩИЙ ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

(История компьютера)

Когда двенадцатилетнего Джорджа Биддера спросили: какое расстояние пройдет маятник за 7 лет 14 дней 2 часа 1 минуту и 56 секунд, если за одну секунду он проходит 9,75 дюйма? — то мальчику потребовалось менее минуты, чтобы дать правильный ответ — 2 165 625 744,75 дюйма.

Происходило это в 1822 году на приемной комиссии при поступлении Биддера в Эдинбургский университет.

Но далеко не все обладали такими феноменальными способностями. Поэтому с древнейших времен человек пытался облегчить себе процедуру вычислений. Для этого поначалу использовались счетные доски, счет в столбик, всевозможные счетные линейки...

Начиная с XVII-го века стали появляться первые механические счетные машины. Одну из таких машин удалось построить французскому ученому Блезу Паскалю в 1642 году. Она представляла собой небольшой латунный ящик, внутри которого вращались барабаны с нанесенными на них цифрами. Барабаны были связаны между собой системой шестеренок.

Но машина Паскаля была слишком дорогой и умела только складывать и вычитать.

Механическую машину, умеющую умножать и делить, удалось разработать английскому изобретателю Чарльзу Бэббиджу. Первую модель машины, оперирующей восьмизначными числами, он построил в 1822 году — в том самом году, когда феноменальный Биддер потрясал экзаменационную комиссию Эдинбургского университета.

Во второй половине XIX века созданием вычислительных машин занимались уже многие. К механическим машинам мало-помалу стали добавляться электрические узлы, сначала электромагнитные реле, а позже и электронные лампы.

40-е годы XX столетия были недолгим временем расцвета лампово-релейных машин. Они были настолько огромны, что занимали целые залы и даже этажи зданий. Такой была американская вычислительная машина ЭНИАК, построенная для министерства обороны США. Машина содержала 18 000 электронных ламп, 1500 реле и потребляла электроэнергию, достаточной для работы небольшого завода.

Но надежность ЭНИАКа была низка — лампы постоянно перегорали, а ввод чисел при помощи перфокарт требовал очень много времени.

Выход из тупика был найден в 1948 году, когда был изобретен первый транзистор. Применение транзисторных схем позволило уменьшить габариты вычислительных машин и потребляемую ими мощность. Но настоящая миниатюризация началась в 1957 году с изобретением так называемой планарной технологии. Суть ее заключалась в том, что на тонкой пластинке кремния напылялся не один транзистор, как обычно, а целая схема, заменяющая многие транзисторы, резисторы и конденсаторы. При этом размеры отдельных элементов становились настолько маленькими, что разглядеть их можно было только в микроскоп.

Но изготавливать такие микросхемы научились не сразу. Сначала появились микросхемы малой и средней сложности. На их основе у нас в СССР был создан ряд машин серии ЕС ЭВМ. Одна из последних моделей ЕС-1065 обладала производительностью 4—5 млн операций в секунду и имела оперативную память 8 мегабайт (для сравнения, сегодня средний «Пентиум» выполняет более 100 млн операций в секунду, а оперативную память может иметь 32,64 и более мегабайт).

Электронные машины используют в своей работе не десятичную, а двоичную систему счисле-

ния, состоящую всего из двух цифр: 0 и 1. Нынешний 2000-й год в двоичной системе был бы записан как 11 111 010 000.

Создание в конце 70-х годов микросхем большей сложности позволило уменьшить габариты электронно-вычислительной машины настолько, что она стала помещаться на рабочем столе. Так появился компьютер!

Слово компьютер происходит от латинского «computo» — считаю, вычисляю. То есть компьютер — это тот же вычислитель. Но не просто вычислитель — вычислитель со своим телеэкраном, с клавиатурой, с печатающим устройством... Компьютер вобрал в себя многие достижения и изобретения XX-го века, и оказалось, что он с успехом может заменить и телевизор, и скоростной фототелеграф, и музыкальный проигрыватель, и игровой автомат, и печатную машинку, и многое-многое другое.

Единая мировая компьютерная сеть ИНТЕРНЕТ позволяет каждому обладателю компьютера получать доступ ко всей информации, имеющейся в сети. Сегодня компьютеры достигают быстродействия более 1 млрд операций в секунду. До 75 млн транзисторов умещает современная технология на 1 кв. мм кристалла микросхемы, и это не предел.

Но таится в компьютере и неожиданная опасность. Легкость получения информации, обилие и привлекательность игровых миров может в будущем сделать человека рабом компьютера. И тогда игрок, увлеченный виртуальными приключениями, не в силах будет оторваться от экрана, чтобы посмотреть в окно, за которым идет обыкновенный снег...

Кем станет компьютер для человека в XXI веке — другом или врагом, помощником в работе или игровым наркотиком — покажет ближайшее будущее.

Б. ВАРЛАМОВ

«И ПРЕКРАСНЫЙ БРЮЛЛОВ»

«ДЛЯ РУССКОЙ КИСТИ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ»

Лицо Карла Павловича Брюллова вам хорошо знакомо. Помните молодого художника с картины «Последний день Помпеи»? Вокруг гибнут люди, рушатся здания, черный дым застилает небо. А он смело смотрит в дышащую огнем пасть стихии, бережно придерживая над головой самое дорогое — ящик с красками. Когда-то эта известная картина произвела настоящую сенсацию среди современников художника. Поэт Баратынский, обращаясь к Карлу Брюллову, так и написал о привезенной им из Италии картине:

*«Принес ты мирные трофеи
С собой в отеческую сень,
И стал "Последний день Помпеи"
Для русской кисти первый день!»*

Потом были и другие полотна, тоже поражавшие мастерством. К славе блистательного художника все относились как к должному: с самого детства он отличался одаренностью и поразительной работоспособностью.

ТЕРПЕНИЕ И ТРУД ВСЕ ПЕРЕТРУТ

— Послушай, Карл, я не позволю тебе бездельничать! В нашем доме хлеб получают только за труд!

Резкие звуки немецкой речи звонком отдавались в тяжелой голове больного мальчика. Он знал, что только в минуты крайнего раздражения отец обращается к своему родному языку, как бы призывая в свидетели беспристрастных предков. Карлу казалось, что из складок тяжелых портьер осуждающе смотрит на него прадед, немец Георг Брюлло — знаменитый лепщик петербургского императорского фарфорового завода.

Но вот в комнату входит мама, домовитая, улыбчивая, такая добрая. На подносе — завтрак для больного сына.

— Он не будет есть, пока не нарисует заданного количества человеческих фигурок и лошадок, — сухо и твердо говорит ей Пауль Георгиевич.

Мама вздыхает и бесшумно закрывает за собой дверь. Спорить бесполезно. А Пауль Георгиевич широ-

кими шагами идет в свой кабинет — работать, вырезать из дерева. Это его профессия, дело всей жизни. Он — академик по части резьбы из дерева и миниатюрной живописи. Работать может часами. А когда устает, выходит в сад, занимается растениями и цветами. Праздным его никогда и никто не видел. От всех своих сыновей — их было четверо, и каждый оставил заметный след в русском искусстве — он требовал того же. Даже маленький, тяжело и долго болевший золотухой Карл, не был исключением.

ОТЕЦ И СЫН

Детство мальчика проходило в бесконечном исполнении рисунков. Листы с набросками падали с кровати на пол и белым ковром устилали детскую.

— Сколько ты сделал сегодня?

Карл вздрогнул. Отец появился неожиданно, как черт из табакерки.

— У меня устала рука, — жалобно захныкал мальчик.

— Ты должен тренировать ее без отдыха, иначе никогда не станешь художником!

— Если так, то я не хочу быть художником! — рыдая, воскликнул мальчик.

Тогда отец ударил его. В первый и последний раз в жизни. Размашистая затрепанила пришла Карлу на полнца и задела ухо. Испуганный мальчик почувствовал неожиданно наступившую тишину. Он навсегда оглох на левое ухо. Карл помнил этот случай всю жизнь, как помнил и единственное проявление отцовской ласки. Став известным художником, он уезжал за границу. Старый Пауль Георгиевич пришел проводить его. И, стоя на ступеньке дилижанса, неуклюже ткнулся губами в плечо сына...

Но пока до самой поездки Брюллова в Италию и до триумфального возвращения из нее было еще далеко. В десять лет Карл поступил в Академию художеств. И началась совсем другая жизнь.

ПЛАТА ЗА РАБОТУ

— Так, так, господин Тверской, — качал головой профессор Алексей Егорович Егоров. — Похоже, что за этот рисунок Брюллов хочет дать вам золотую медаль!

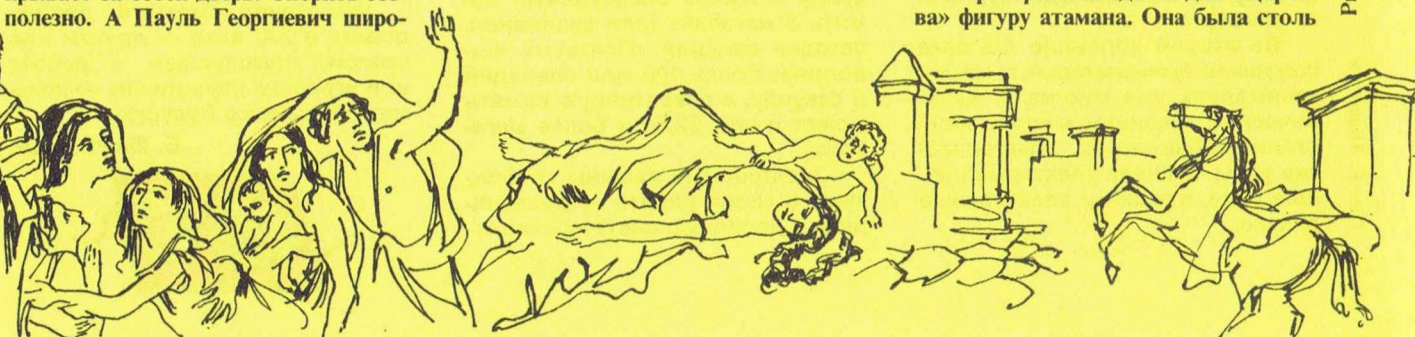
Профессор прекрасно знал, что Брюллов исправляет по ночам рисунки товарищей. Почерк талантливого ученика выделялся сразу. Не знал профессор только, что делает это юный гений не бесплатно, а за ситник — сдобную булку — с медом. Каждую ночь его будили товарищи по классу и выманивали из постели запахом свежего хлеба. Тут тоже были свои хитрости. Если Брюллов получал ситник еще в кровати, он с аппетитом съедал его, а потом, ссылаясь на головную боль, отворачивался к стене и тут же крепко засыпал. И больше обманутый товарищ уже никак не мог его добудить. Впрочем, ребята выработали ответную тактику: Карл не получал заветного бутерброда до тех пор, пока не принимался за рисование. Ничего удивительного, что потом он спал на всех лекциях. Ведь учеников поднимали в пять утра, а уже в шесть часов начиналась молитва. В церкви на аналое лежало Евангелие с написанным Брюлловым распятием. Уже тогда его рисунки ценились очень высоко.

ПЕРВЫЙ КОМИКС

В школьные годы взялся Брюллов и за выпуск первого «комикса». Конечно, он очень отличался от тех, к которым привыкли современные дети. Это был большой альбом, на обложке которого красовалось слово «Царство». Каждая страница альбома представляла собой какую-то нарисованную местность. Либо лес, либо поле, либо корчму. И на этот фон помещались вырезанные из бумаги фигуры благородных разбойников. Их можно было переносить с одного листа на другой, тем самым придумывая различные игровые действия.

Карл Брюллов сделал для «Царства» фигуру атамана. Она была столь

выразительна, что ее отметила вся профессура. А друг Брюллова Фомин хранил «атамана» всю жизнь, и в старости, когда кто-то похитил у него эту фигуру, с Фоминым едва не случился удар от огорчения.

ГОРДОСТЬ АКАДЕМИИ

Брюллов же будто и не замечал своей гениальности, о которой все только и говорили. Он охотно рисовал за ситники портреты товарищей, поправлял их рисунки, дома гравировал карты кругосветного путешествия Крузенштерна, делал работы за своего отца, а часто исполнял посторонние заказы, о которых отец даже не догадывался. Если прочие ученики шли из Академии домой отдыхать, то Брюллов — работать.

Воспитанники выпускных классов обожали мальчика. Старший брат Федор, ставший позднее знаменитым иконописцем, во всем опекал его. И часто можно было видеть такую картину: маленький Карл на плечах Федора с победным криком въезжает в столовую. А следом бежит галдящая свита сокурсников Карла.

За особые заслуги в искусстве его — единственного младшекурсника — водили рисовать в классы старшекласников. За ним ежедневно в определенные часы приходил сторож, который сопровождал мальчика в рисовальные классы. Там Брюллов написал свое первое произведение масляными красками — копию с головы царицы Савской. Этот рисунок до сих пор хранится в фондах Академии художеств.

Профессор Иванов поражался не только таланту, но и работоспособности мальчика. Карл как-то сорок раз скопировал в карандаше мраморную группу Лаокоона с детьми — подвиг, для других учеников просто немислимый. «У меня бы после этого было отвращение к любой скульптуре», — признавался потрясенный профессор.

«ФЕБРИС ПРИТВОРЯЛИСЬ»

Впрочем, Карл иногда позволял себе и полентяйничать. Не все же было спать на неудобных партах! Ребята знали, что он способен виртуозно симулировать любую болезнь и попасть в лазарет как только захочет. Они так и называли очередное «заболевание» Карла — «Фебрис притворялись».

Отдыхая от наук, Брюллов однако не расставался с кистью и карандашом. Он охотно делал портреты своих товарищей, которые занимали соседние койки в лазарете. Акварельный портрет Николая Тверского, сделанный Карлом во время приступа

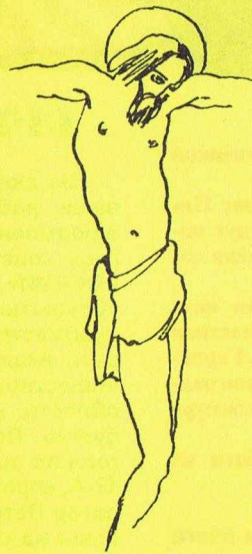
«Фебриса Притворялся», позднее купил флорентийский музей дельи Уффици.

А мастерство Брюллова крепло год от года.

ДИПЛОМ

Дипломной работой Карла Брюллова был «Нарцисс». Юный художник долго размышлял, как лучше написать эту картину. Он ходил по коридорам Академии, углубленный в свои мысли. И даже на улицах города его преследовала заданная тема. Так он забрел как-то в сад у Черной речки. Неожиданно Карла поразила игра света и тени в кроне деревьев. И он увидел вдруг мысленным взором всю картину: промытый воздух теплых стран, трепещущая листва, полные отблесков тени на фигуре прекрасного юноши и листок, упавший с дерева, плывущий по зеркальной глади воды...

Воспитанники Академии художеств получали все присужденные им медали разом по окончании курса учения. Брюллов в день акта вынес из зала, как вспоминали его товарищи, — «целую пригоршню медалей», среди которых находилась и золотая. Все — и профессора, и товарищи — знали, что равных ему — нет!

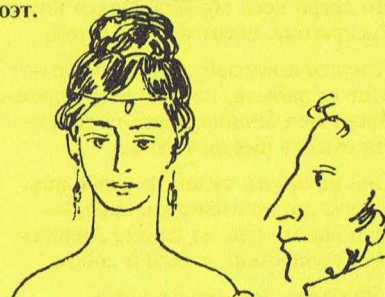

Слава Брюллова гремела по всей России. В высших кругах считалось необыкновенной удачей заказать знаменитому художнику портрет. Многие известные люди той эпохи смотрят на нас с его полотен. Но два портрета, которыми мы могли бы особенно дорожить, художник нарисовать все-таки не успел.

МОГЛО БЫ БЫТЬ...

«У Брюллова видел я несколько начатых рисунков и думал о тебе, моя прелесть. Неужто не будет у меня твоего портрета, им писанного? Невозможно, чтобы он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя!»

Так писал своей жене, Наталье Николаевне, поэт Александр Пушкин, добрый приятель Брюллова. На его столе уже стоял небольшой акварельный портрет Натали. Тот самый, известный всем. Выполнил его тоже Брюллов, но не Карл, а его брат Александр, архитектор, отстроивший чуть ли не пол-Петербурга. Этот портрет, нарисованный при жизни Пушкина, — единственный, который знал поэт.

А в тот год Пушкин писал своему талантливому ровеснику Брюллову: «У меня, брат, такая красавица жена, что будешь стоять на коленях и просить меня снять с нее портрет!»

Но получилось иначе. Это Пушкин стоял на коленях перед Брюлловым, «равный перед равным», как писали современники, и умолял, прижимая к груди рисунок:

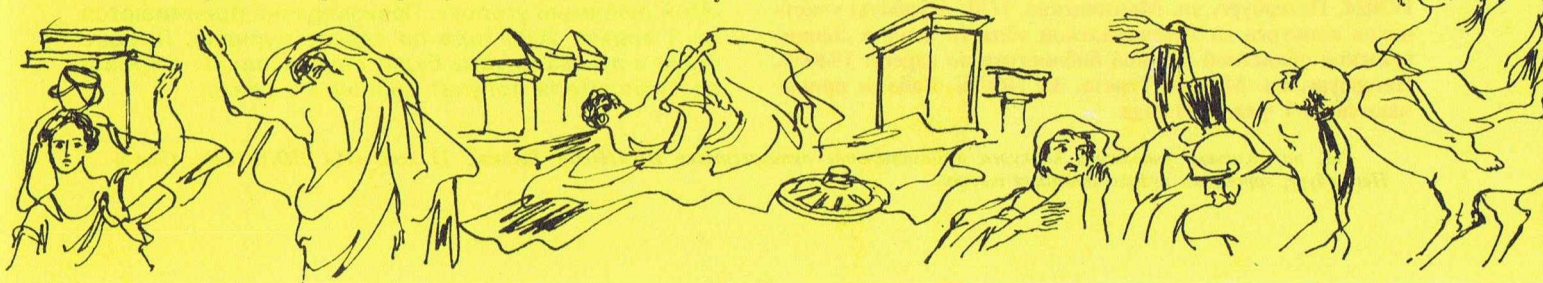
— Отдай мне его, голубчик мой! Ведь другого такого не нарисуешь для меня, отдай мне этот!

Что же это был за рисунок? Талантливая карикатура «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне». Толстый полицмейстер спит на ковре и подушке посреди улицы, а сзади него вытянулись в струнку тощие полицейские. Рисунок был чрезвычайно смешон, и Пушкину очень хотелось иметь его. Сошлись на том, что Брюллов сделает для поэта копию.

Сам же Карл Павлович настоял на том, чтобы сначала Пушкин, а потом и жена его, взяли позировать ему для портретов. Но портрет великого поэта, написанный кистью великого художника, так и не появился. Всего лишь днем раньше назначенного сеанса состоялась роковая дуэль.

До конца своих дней Брюллов не мог простить себе нерасторопность. И всегда в его мастерской стоял маленький бюст Пушкина, напоминая о том, что могло быть и чего не было...

Н. Жуланова

В этом году наша страна отмечает 55-летие Победы в Великой Отечественной войне. Поэт Вадим Сергеевич Шефнер, которому в январе исполняется 85 лет, воевал на Ленинградском фронте, защищал город на Неве. Его стихотворение, написанное в самое трудное блокадное время, пронизано неусыпаемой верой в нашу победу.

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены, —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъезженной стене
Тепло дыхания и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небитие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет. И, что бы ни случилось, —
Враг никогда не отразится в нем!

1942, Ленинград

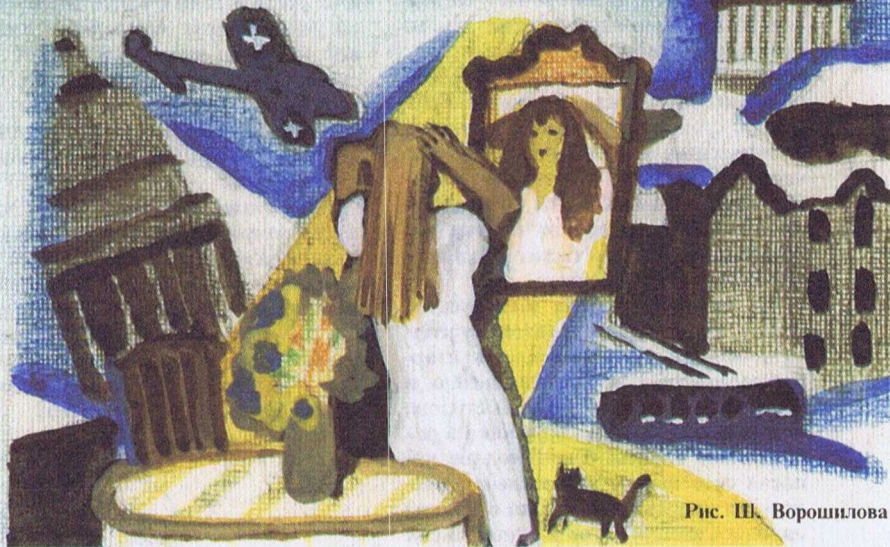

Рис. Ш. Ворошилова

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Победа нашего народа в Великой Отечественной войне — великое для всех нас событие.

Помнят победный май 1945 года ветераны, помнят Победу их дети, и они хотят, надеются и верят, что будут помнить победу их внуки и правнуки — те, кому сегодня совсем немного лет.

Именно для вас, ребята 7—14 лет, о ком думали миллионы воевавших на той войне, Ленинградская областная детская библиотека, журнал «Костер», Дом радио «Гардарики», Комитет по делам молодежи и туризма Ленинградской области объявляют историко-литературный конкурс «ЭТО НАША ПОБЕДА».

В КОНКУРСЕ МОГУТ УЧАСТВОВАТЬ ребята из всех уголков нашей страны.

Содержание конкурса:

— «Дорогая сердцу книга о войне» — отзывы на книги о войне,

— «Память о войне в моей семье» — сбор семейных рассказов, эссе о семейных военных фотографиях,

— «Победе посвящается» — конкурсе стихотворений,

— «Открытка ветерану» — рисуем открытки,

— «Мой город (село) в День Победы 9 мая» — конкурсе рисунков.

Будем рады вашему интересу к истории нашей Родины и участию в поддержании памяти о нашей Победе в Великой Отечественной войне.

Присылайте свои работы в журнал «Костер» по адресу: 193024, Петербург, ул. Мытнинская, 1/20. А работы участников конкурса из Ленинградской области ждут в Ленинградской областной детской библиотеке по адресу: 194051, Петербург, пр. Мориса Тореза, 32, ЛОДБ. Работы принимаются до 1 мая 2000 года.

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

Вы любите рисовать? Вам от 6 до 17 лет? Тогда ваши работы, выполненные в любой технике и оформленные для экспозиции, ждут на всероссийском конкурсе детского рисунка «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ», проводимом Творческим объединением «Открытый мир», Государственным академическим художественным лицеем им. Б. В. Иогансона Российской Академии художеств, Русским географическим обществом, Комитетом по культуре Ленинградской области, молодежной программой «Будущее Петербурга». Подача работ на конкурс до 1 апреля 2000 года по адресу: 199106, Санкт-Петербург, ул. Детская, 17-А, корпус 1. Телефон: (812) 322-03-81, 322-40-39. Куратор Петр Лернер. Лучшие рисунки будут опубликованы на страницах «Костра». Темой рисунков может быть: осмысление великого исторического прошлого России и отражение событий современности; пейзажи родной стороны; ваши мечты о будущем Родины; изобразительный рассказ о жизни и людях родного края. Жюри имеет право использовать отмеченные дипломами работы для выставочной и благотворительной деятельности.

А журнал «Костер» проводит в 2000-м году литературную часть этого конкурса. Мы ждем от наших читателей рассказы и стихотворения на следующие темы: «Мой край», «Я путешествую по России» и «Мой любимый уголок». Произведения принимаются до 1 апреля 2000 года по адресу журнала. Лучшие стихи и рассказы тоже будут опубликованы в журнале. Победители получают дипломы и призы.

Рис. на обложке участника конкурса «Удивительное путешествие» ИВАНОВА Вадима, 12 лет. «НА ПОЛЮСЕ». Санкт-Петербург, городская художественная школа.

Вместе поразмышлять о времени и о себе предлагают вам наши юнкоры. Сегодня в разговоре у костра принимают участие ребята из школы журналистики при Петербургском Дворце творчества юных.

Моя душа болит о многом. В первую очередь это, конечно, бездомные животные и бездомные люди. Мне так хочется им помочь. Многие люди вокруг живут, не задумываясь о том, что кому-то негде жить и нечего есть.

Мне больно смотреть на людей, в чьих странах идут войны, и кто страдает по чужой вине. Недавно по телевизору видела заложников из Чечни. Над ними издевались, а потом посылали видеозаписи родственникам... Я не могу видеть жестокость и насилие, но, к сожалению, это спутники современной жизни.

Мне жалко людей, которые безнадежно больны, и никто не может им помочь. Особенно детей, ведь вся жизнь у них впереди, они могли бы столького достичь! Я хочу помочь многим и сделать их жизнь легче, но не знаю, как.

Душа болит и о моих родных и близких, я хочу, чтобы все у них было хорошо, чтобы все были здоровы и счастливы. Я думаю о том, что нас ждет впереди и надеюсь на лучшее. Многие сейчас не уверены в завтрашнем дне, но мне кажется, что впереди много хорошего, во всяком случае, я в это верю.

Ольга Лабейш

Не думаю, что буду оригинальна, когда скажу, что у меня душа болит из-за взаимоотношений с родителями. Нет, они у меня не какие-то изверги, садисты — просто они не понимают современный стиль жизни тинейджеров.

С какой-то стороны, их можно понять. Я, например, почти не знаю родителей, которые всецело одобряют кислотные топики, ботинки на непомерной платформе, рэперские «трубы» и куртки на пять размеров больше. Цель моей жизни — объяснить родителям, что подросткам нужно выделяться из остальной массы.

И почему они так не любят наши тусовки?

С тем, что моих родителей не устраивает мат, я полностью согласна. Не люблю, когда выражают свою «крутизну», ругаясь на каждом шагу. Но современный слэнг, все эти наши «класс», «блин», «круто», «прикол», очень скоро войдут в нормальный русский язык. И никто не удивится.

Родители! Ваши дети — тоже люди, но другого поколения. Объясните нам, но не заставляйте нас. И вы, и мы стремимся к одному — нормальным взаимоотношениям!

Филиппова

Моя школа нуждается в помощи. У школы много проблем. Например, финансовых. Мало кто захочет посетить такую школу: залитые потолки, вечно не работающие батареи. Не хватает учителей.

Ученики распушенные. Медленно, но верно содержимое рюкзаков меняется с маленького обеда на пачку сигарет. Также не обошла школу проблема наркомании, все больше и больше появляется на уроках девушек и молодых людей с отрешенным видом и туманным взглядом. «Травкой» пахнет во всех туалетах школы.

Самое грандиозное мероприятие — дискотека с маленьким магнитофоном и тихими колонками — устраивается, если повезет, раз в месяц. Все же не зря у многих болит душа за школы, много там проблем, просто сразу их не заметишь.

А. Сафулина

Я всегда боялась одиночества. У меня было много друзей, но мне почему-то казалось, что наша дружба закончится. Так и случилось. Тогда мне было около двенадцати лет. И началась эта, тогда странная для меня, жизнь без прогулок с друзьями, телефонных звонков, без всего. «Ты ушла в себя», — говорила мне мама, потихоньку наставляя на «путь истинный». Она подкладывала мне книги. Сначала я ставила их обратно в шкаф, но потом заинтересовалась. Я углубилась в чтение. Жить стало интереснее. В книгах я находила ответы на все вопросы, которые меня волновали. С помощью книг я обрела новых друзей. И моя душа перестала болеть.

Анна Иванова

Человек человеку друг, товарищ и брат. Так утверждает старая истина...

Зима. Мороз под 20°. В сугробе, скорчившись, лежит человек. Прохожие равнодушно проводят по нему взглядом и идут дальше. Наверное, думают, что пьяный. А вдруг у него сердечный приступ или что-то еще? Лишь маленькие дети смотрят на него с сожалением...

Или еще. Обворовали девчонку из нашего класса. Унесли все самое дорогое: старенький телевизор, дубленку и 400 рублей. А ребята смеются: «Это ты обворованная? Клёво! Хошь, дам милостыню?» Им смешно, а ей больно. Злость, жестокость. Вот это моральные принципы современного человечества.

Совсем другая беда — государство бьется в конвульсиях. И тут нужно лечить, а не снимать симптомы.

Нужен хороший врач, президент, который излечит государство. Это мое мнение. Кто хочет, может не соглашаться с ним. Я рассказал о том, о чем болит душа.

Леонид Шемяков

Старые люди — они не могут прожить на одну пенсию. Однажды видела такую табличку у одной старушки в подземном переходе: «Потеряла кошелек с пенсией и документами. Не на что купить хлеба». Я чуть не разревелась. Я, конечно, понимаю, что люди могут и обманывать. Все же я иногда задаю себе вопрос: «А вдруг из двухсот таких вот старушек десять говорят правду?»

Есть очень много вещей, из-за которых жить не хочется, но жизнь продолжается, и надо жить дальше, радуясь такой жизни, какая она есть.

Евгения Пятко

Многие люди прячут самые замечательные качества своей души под толстый панцирь безразличия. От этого происходят многие беды, большие или маленькие. Моя первая учительница всегда повторяла: «Относись к другому так, как бы ты хотел, чтобы относились к тебе. Поставь себя на место ближнего...» — ее слова я пронесу через всю свою жизнь. Мне кажется, милосердие, сострадание можно и нужно развивать в себе, постепенно, шаг за шагом...

Лола Куракина

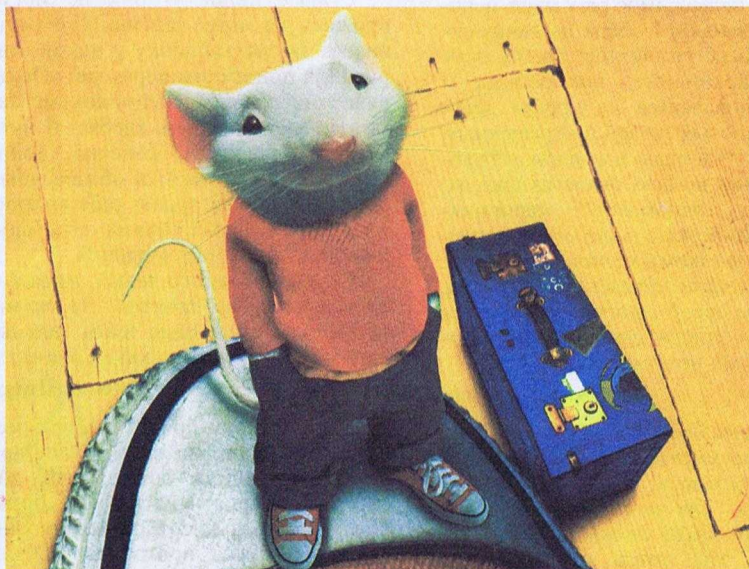
Вот человек ходит на работу, ест, спит. Вроде, здоров. А иногда, проходя мимо нищего, или взглянув на груды мусора в парке, или увидев бездомного котенка, чувствует, что к горлу подкатывает комок или ощущает где-то в груди не то боль, не то какое-то странное сжатие... И почему-то хочется плакать, просто так, не из-за чего, ведь дома все в порядке и в школе не так уж плохо. Болит душа, по-моему, — это когда страдаешь, томимся из-за чужого горя. Ты идешь и подаешь нищему, и даже бросаешь мусор в урну (что в наше время редкость у молодежи), подбираешь облезшего котенка (который в будущем становится пушистым красавцем Барсиком)...

Из-за чего болит душа — у каждого свое. Главное, чтобы была душа. Чтобы люди любили, страдали ближнему, радовались за него.

Надя Иванова

МЫШИ ТОЖЕ ЛЮДИ!

Трудно быть единственным ребенком в семье... Это понимают даже родители. Поэтому не стоит осуждать их порыв раздобыть в детском доме приемного сынишку. Но усыновляют они... А что бы сказали вы, если бы вашим приемным братом стал трехдюймовый грызун?! То-то и оно! Правда, братец-мышонок умеет говорить и обладает талантом ввязываться в приключения. Так что с его появлением в доме жизнь у семейки Литтлов начинается развеселая!

О ней — об этой нескудной жизни — новый фильм Роба Милкоффа (режиссера «Короля Льва») — «СТЮАРТ ЛИТТЛ». Как, вы еще его не смотрели? Тогда — лучшее впереди!

Рис. Н. Якубовской

ЖДИТЕ В НОВЫХ КЛИПАХ!

Любимец всех девчонок, музыкант с классическим консерваторским образованием, обладатель неофициального титула «Самый обаятельный певец на российской эстраде» Дмитрий МАЛИКОВ — у нас в гостях.

— Дима, что нового в твоей творческой жизни?

— Новый альбом выпустить сейчас очень сложно, так как многие студии грамзаписи перестали существовать. Сейчас у меня достаточно материала для записи диска, но придется вернуться к старой сингловой системе начала 90-х годов, когда я выпускал по две-три песни в год и, тем не менее, они становились известными.

— Недавно ты сменил имидж. С чем это связано?

— Это было необходимо для нового клипа «До утра». А вообще я хочу подстричься, надоели длинные волосы.

— Кстати, о песне «До утра». Неожиданным было, что ты работаешь с композитором Павлом Есениным, ведь он очень мало для кого пишет — ну для Шуры и группы «Hi-Fi»...

— Просто мы с Павлом подружались. Я рад, что наше сотрудничество удалось, для меня это своеобразный шаг вперед.

— Собираешься сниматься в новых клипах?

— Конечно, совсем недавно на экранах появилось мое новое видео на песню «С днем рождения, мама», режиссером этого клипа был Юрий Грымов.

Мария ВЕСЕЛОВА

Коллекционирую открытки. Люблю птиц и животных. Дома у меня живут два волнистых попугая. Учусь в 7 классе.

423550, Нижнекамск, ул. Корабельная, 31—184. АГАПОВОЙ Вике.

Если тебе больше 13-ти лет, и ты горячий поклонник Формулы-1 и Михаэля Шумахера или просто чувствуешь себя одиноким, пиши мне!

356202, Ставропольский край, Шпаковский р-он, с. Пелагиада, ул. Ленина, 97-А. ГУБАНОВОЙ Антонине (13 лет).

ОТВЕТ

на задание Конкурса юных детективов «По свежей пороше»

Конечно, как заметила Инна, на зеленую машину следует обратить внимание. Она явно поставлена недавно: под ней виден снег. А вот под двумя другими машинами снега нет, но значит ли это, что они стоят здесь одинаково долго? Да, под красной машиной нет снега, но от нее отходят две пары следов шин. Вполне можно предположить, что красная машина была поставлена на место только что отъехавшего автомобиля (потому под ней и нету снега!). Если бы она стояла здесь со вчерашнего вечера, то на ней бы было больше снега. Значит, двое парней из этой машины говорят неправду, что-то скрывают. Это и вызвало подозрение нашего «Инспектора» — Иннокентия Спектрова.

«Есть книга вечная любви...»

Если влюблена...

«Дорогой «Костер»! Со мной случилась такая история. В меня влюбились два мальчика. Причем, один на класс младше, а другой учится вместе со мной. Тот, который меня младше (а он не младше, а просто остался на второй год), он мне всячески намекает, что я ему нравлюсь. Но он хулиган, пьет пиво и ругается. Я не знаю, как ему сказать о том, что он мне не нравится. А второй мальчик вроде ничего, но я не могу с ним дружить, потому что он меня ниже ростом. Что мне делать? Иринка П., Омск».

Спасибо тебе, Иринка, что доверила нам свою очень непростую и такую запутанную историю. Давай попробуем понять, что же происходит. Есть два влюбленных мальчика и одна девочка, которая, похоже, пока еще никого не любит и которой даже никто особенно и не нравится. А стоит ли тогда обманывать саму себя и обременять жизнь дружбой с несимпатичными тебе людьми? Мне кажется, ничего хорошего из таких уступок получиться не сможет. Наверное, стоит все-таки немножечко подождать, прислушаться к себе. И приглядеться к тому мальчику, который

«вроде ничего». Может быть, потеплеет твое сердце, и окажется, как в старой сказке, что любимый и есть самый лучший — помнишь историю о принцессе и Рикс с хохолком? И тогда уже никакого значения не будет иметь ни рост, ни вес, ни цвет глаз. Разве так уж важно это для дружбы? Может быть, тогда по-особому прозвучат для тебя стихи поэта Константина Ваншенкина:

«Не стесняйся, что длинна,
Даже если влюблена,
А избранник чуть пониже,
Принимай и то в расчет,
Что и он еще растет,
Чтобы стать к тебе поближе».

Поверь, что маленький рост одноклассника — препятствие временное и пустячное. Если, конечно, только это мешает дружбе. Тогда и второму влюбленному объяснять ничего не придется — он все увидит и поймет. Сам.

Н. Юрьева

Рис. О. Граблевской

ЮРСТХОЗУРОВКБА КЕСЩЮЯЬЪАБВГДЕЖЗНАДЛМНОПРСТУФХЦЧШШЖИЙЗЖДГВБКА

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Ш Ж И Й З Ж Д Г В Б К А

Академик Пятитомов и профессор Синицын работали. У них не было каникул. А у школьников — были. Зимние. Например, у Сережи, внука академика. И он сказал, войдя в комнату, в которой работали те, у кого не было каникул:

— А не устроить ли нам спортивные соревнования?

— Ну уж нет, — возразил дедушка. — Я все-таки академик, а не спортсмен. И не школьник какой-нибудь.

— Интересное дело, — вздохнул Сережа. — Спортсмен — он так называется, потому что занимается спортом. Школьник — потому что в школу ходит. А академик — почему?

— Потому что примерно четыре тысячи лет тому назад в Древней Греции, в городе Афины,

был сад, — ответил академик. — И в этом саду ученый Платон собирал своих учеников. Они, беседа, гуляли по аллеям и вели при этом научные беседы.

— А откуда пошли названия всех вещей?

— На этот счет, — пояснил академик, — существовало много гипотез. А вот откуда пошло название их сада, Платон и его ученики знали точно. Сад носил имя легендарного древнегреческого героя...

— Это понятно, — сообразил внук. — Вот и у нас ЦПКИО — имени Кирова. А в Москве — имени Горького.

— А в Афинах сад носил имя не политического деятеля Кирова и не писателя Горького, а героя, которого звали Академ. И поскольку там собирались ученые, то позже собрание людей науки стали называть академией.

— А их самих — академиками?

— Разумеется! — подтвердил профессор Синицын. — А если бы они собирались в парке Горького их, может быть, назвали бы не академиками, а горькушками.

— И еще, — добавил Сережа, — если бы они собирались в ЦПКИО, то, наверное, куда больше бы увлекались разными спортивными играми.

— Это верно, — сказал профессор, — от места очень многое зависит. Я, например, знаю старинную спортивную игру, которая в Китае называлась «ди-дзяу-ци». В Японии — «ойбане». А в Индии — «пунэ». Именно из Индии привез ее в Англию герцог Бофор. В его родном городе в графстве Глостершир пробковый мячик, утыканный с одной стороны пучком птичьих перьев, многих заинтересовал. Ишь, как плавно летает! А если еще приспособить для игры ракетки с натянутыми на них струнами... А если еще разделить игровую площадку низкой сеткой... Скоро игра получила большое распространение в родном городе герцога. И даже название получила в честь этого города...

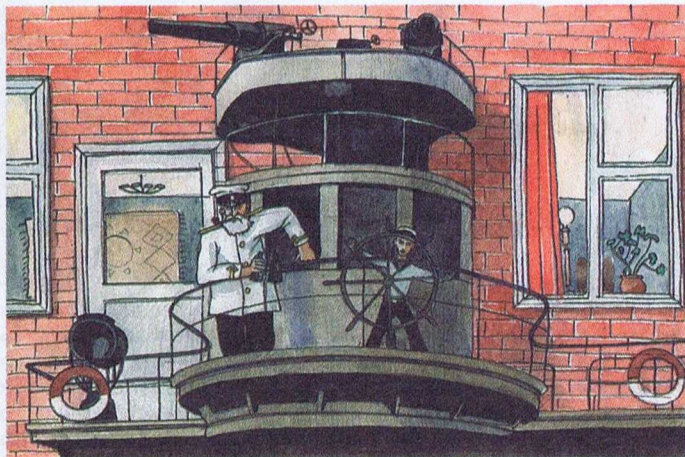
— Какое? — спросил Сережа.

— Ты что, не знаешь, как назывался родной город герцога Бофора? — удивился профессор. — Бадминтон!

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Ш Ж И Й З Ж Д Г В Б К А

СУМАСШЕДШИЙ КАПИТАН КЭП

Рассказ

В нашем доме поселился сумасшедший капитан. Вернее, это он раньше был капитаном, а сейчас он — просто сумасшедший.

Так сказала мама, когда пришла с работы.

— Поздравляю, — сказала она. — Рядом с нами поселился сумасшедший.

— Как сумасшедший? — спросил папа, поднимая лицо от газеты.

— Как сумасшедший? — спросил я, поворачивая лицо от телевизора.

— А вот так, — ответила мама. — Выйдите на балкон и убедитесь.

Мы вышли и убедились...

На соседнем балконе стояло рулевое колесо; рядом — переговорная труба. На стене висел спасательный круг... В общем, это был самый настоящий капитанский мостик.

Не хватало только капитана.

Только я об этом подумал, как тут же появился сумасшедший капитан. Старый-престарый. Из-под морской фуражки клочьями выбивались седые волосы. А изо рта торчала трубка.

Не обратив на нас никакого внимания, он принялся изучать окрестности в морской бинокль. Изучать было особенно нечего. Кругом стояли высотные дома, да дымили желтым дымом две трубы.

...Вскоре я познакомился с сумасшедшим капитаном.

Случилось это так.

Я выгуливал нашу симпатичную болонку Нору. А на встречу шел сумасшедший капитан. В фуражке, тельняшке и в плаще нараспашку.

Когда мы поравнялись, капитан, поглядев на Нору, спросил хриплым прокуренным голосом:

— Как зовут твоего пса?

Нора, обидевшись, спряталась за мою ногу. Ее, такую беленькую и кудрявенькую, обозвали — псом.

— Нора, — осторожно ответил я.

— А она не кусается? — улыбнулся капитан.

Улыбка у него оказалась очень хорошая. И я сразу почувствовал расположение к старому капитану.

— Нет, — сказал я. — Не кусается.

Видимо, и Нора почувствовала расположение к капитану. Она дружелюбно завилала хвостиком.

Сумасшедший капитан наклонился и почесал ей за ухом. Я заметил татуировку у него на руке: корабль с надписью «Стремительный».

— Я тоже не кусаюсь, — сказал капитан.

Так мы познакомились. Звали его — Кэп!

Примерно через неделю я снова столкнулся с капитаном Кэпом. На сей раз в коридоре.

— Хочешь пропустить стаканчик «Кровавой Мэри»? — предложил он. — Любимый напиток ямайских пиратов.

Я неуверенно кивнул.

— Тогда заруливай в мой кубрик. — Капитан пинком ноги распахнул дверь своей квартиры.

Я «зарулил».

Однокомнатная квартира капитана Кэпа была сплошь заставлена макетами военных кораблей и завалена большими океанскими раковинами. На стенах висели картины. И на всех картинах было нарисовано одно и то же: море... море... море...

Капитан выставил на стол две глиняные кружки и наполнил их темно-красной жидкостью. Одну кружку он взял себе, другую — подвинул ко мне.

— За тех, кто в море! — сказал Кэп.

Выдохнув побольше воздуха, я хлебнул «Кровавой Мэри». Это оказалось... компот! Обыкновенный компот.

— Это же компот! — воскликнул я.

Капитан неодобрительно покачал головой.

— Сразу видать, что ты — салага. По вкусу «Кровавая Мэри» и напоминает компот. А ты что думал?

Честно сказать, о «Кровавой Мэри» я вообще никогда не думал. А компотик оказался очень даже ничего. Вишневый.

— Ну что, еще по «кровоной» хлебнем? — смягчился капитан.

— Плесните каплю, — небрежно ответил я, протягивая кружку.

Однажды к нам в гости пришел папин начальник, дядя Леша. Он был большой шутник. Мама и папа рассказали ему про сумасшедшего капитана.

— Представляешь, каждый вечер крутит свое колесо, — со смехом говорит папа. — Иногда до поздней ночи.

— Та-а-кой серьезный, — тоже смеялась мама. — Словно, на самом деле, управляет кораблем.

— А давайте над ним подшутим, — предложил дядя Леша.

Хихикая, он размешал в стакане с водой щепотку соли. Мы вышли на балкон. Капитан Кэп, стоя у рулевого колеса, напряженно всматривался в даль. В эту минуту он совсем не походил на старика.

Дождавшись порыва ветра, дядя Леша плеснул в сторону соседнего балкона соленую воду. Несколько капель попало на лицо капитана Кэпа.

Он слизнул капли с губ.

— Смотрите, губы облизывает! — захохотал дядя Леша. — Он думает, что он в море! На капитанском мостике!..

Я убежал в свою комнату. И лег на кровать.

Вскоре пришла мама.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего. — Я отвернулся к стене.

— Обиделся за своего капитана? Но ты же знаешь дядю Лешу. Он большой шутник.

Я промолчал.

На другой день, когда капитан Кэп увлеченно рассказывал про боевые корабли, я прямо спросил:

— Зачем вы каждый вечер выходите на балкон и крутите рулевое колесо?

Он замолчал и, достав трубку, стал ее раскуривать.
— Капитан... — продолжал я. Мне было трудно говорить, но я должен был это сказать. И я сказал: — В нашем доме все считают вас сумасшедшим.

Наступила тишина. Она была долгой-долгой. Так мне показалось.

Наконец раздался прокуренный голос капитана:

— Но ты ведь, сынок, не считаешь меня сумасшедшим?

— Нет. Не считаю.

— Мне этого вполне достаточно. — Он выпустил изо рта густое облако дыма.

— Но, поймите, капитан, — торопливо произнес я, — ваш балкон — не рулевая рубка. И перед вами не море, а обычный микрорайон. С детским садом, школой, магазином и кирпичным заводом.

— Ты не прав, сынок. Вчера я чувствовал на губах вкус моря.

— Потому что дядя Леша плеснул в вашу сторону соленую воду.

Капитан Кэп упрямо качнул головой.

— Это были морские брызги. Я не мог ошибиться.

...Он вернулся к рассказу о боевых кораблях.

— Перед тобой «рейдер», — сказал капитан, сняв с полки макет. — Вот сюда загружаются мины... — ткнул он желтым ногтем. — Сюда — торпеды... Топлива хватает, чтобы четыре раза обойти земной шарик по экватору. Максимальная скорость 18 узлов в час...

Я с интересом разглядывал корабль. «Стремительный» — так он назывался.

— Я был капитаном этой посуды, — продолжал Кэп. — Поверь, сынок, неплохим капитаном. И команда у меня была что надо. Отчаянные парни... В каких только переделках нам не довелось побывать... — Он помолчал, дымя трубкой. — Но однажды я попал в госпиталь, и ребята ушли в море без своего капитана. Выполнив боевую задачу, они возвращались на «базу». И внезапно наткнулись на фашистский крейсер. — Капитан опять помолчал. — У меня нет макета «Кайзера Вильгельма». Но представь, сынок, корабль с пятиэтажный дом, представь восемь шестидюймовых пушек в четырех бронированных башнях, по две в носу и корме, и десять четырехдюймовых в середине корабля... В общем, ребята приняли бой. Они дрались, как черти. Но силы были не равны... — Он вынул изо рта трубку и сжал в кулаке. — Будь я проклят, если не разыщу этих убийц. Они мне за все ответят...

— Но, капитан, — растерянно произнес я, — ведь это когда было. Война давным-давно закончилась.

— Только не для меня, — твердо сказал Кэп и повторил: — Только не для меня.

На улице завывал ветер. Лил дождь. Мы молчали.

— Они погибли? — наконец тихо спросил я.

— Все до одного, — подтвердил капитан. — Но погибли достойно. Можешь мне поверить, сынок.

— Я верю, — сказал я.

Мы опять замолчали. В окно стучали капли дождя.

На следующий день я застал капитана Кэпа в сильном волнении.

— Кажется, это произойдет именно сегодня, — сказал он вместо приветствия.

Мелодично ударили часы.

— Десять склянок! — возбужденно воскликнул капитан. — Пора!

Мы вышли на балкон.

— Ты должен мне помочь, сынок. Я стал плохо видеть. И старые раны дают о себе знать.

Я пожал плечами.

— Без проблем, капитан.

Он сурово улыбнулся.

— Других слов я от тебя не ждал. — И деловито прибавил: — Будешь рулевым.

В воздухе висел густой туман. Ничего не было видно.

Я занял место у рулевого колеса.

Капитан Кэп, сняв фуражку, пригладил лохматые седины и приказал:

— Полный вперед!

— Есть «полный вперед»!

«...Ладно уж, — решил я. — Пусть капитан думает, что он на своем рейдере "Стремительный"..."

И вдруг...

И вдруг меня охватило какое-то странное состояние. Я даже сразу не понял, что произошло...

Мы — плыли.

Да, да, плыли!

Туман стал рассеиваться, пропадать... но вместо жилых домов, школы, детских садов, вместо дороги с магазинами, деревьев, магазинов... я увидел — ВОДУ.

Одну только воду. До самого горизонта.

А над горизонтом — небо.

Вода и небо. Да наш корабль.

Капитан Кэп, приставив к глазам бинокль, всматривался в даль.

— Главное, не упустить, — пробормотал он. И мне, чуть громче: — Лево руля!

— Есть, «лево руля»! — Я крутанул тяжелое колесо влево.

— Так держать.

— Есть, «так держать»!

Океан был спокоен. На корме «Стремительного» сидели две чайки.

Поплевав на палец, капитан поднял руку.

— Юго-западный бриз, — определил он. — Неплохо...

— Прямо по носу дым приближающегося судна, — доложил я.

На горизонте появился вражеский крейсер.

Никогда в жизни я не видел такого громадного корабля. Только в кино...

— Уходим в сторону солнца, — приказал капитан Кэп.

Я понял хитрый замысел капитана. Он хотел завлечь «Кайзера Вильгельма» под удар наших пушек и торпедных аппаратов.

«Стремительный» резко поменял курс. Рассекая острым носом волны, мы мчали прямо на заходящее солнце.

— Добавь пару узлов, сынок.

— Ребята, — крикнул я в переговорную трубу, — накиньте два узла.

Рейдер понесся во все лопатки.

— Мало, мало, — бормотал капитан, раскуривая трубку. — Еще пяток узелков.

— Может взорваться паровой котел, — предупредил я. — И мы взлетим на воздух.

— Приказы командира не обсуждаются, а выполняются, — строго сказал капитан Кэп.

Я выполнил приказ.

Теперь «Стремительный» шел со скоростью двадцать пять узлов в час! По обе стороны форштевня поднялись высокие белые буруны.

«Кайзер Вильгельм» следовал за нами, как приклеенный. На крейсере замигал прожектор.

— Капитан, они требуют, чтобы мы сообщили свой опознавательный.

— Медузу им в глотку, а не опознавательный! — весело прокричал Кэп. — Не отвечать на сигналы!

— Есть, «не отвечать на сигналы»! — так же весело прокричал я.

Меня охватило состояние необычайной легкости. Кажется, подпрыгни сейчас и — полетишь... Ни капли не было страшно.

— Стоп машина!

— Есть, «стоп машина»!

Рейдер сбросил скорость.

— Ага-а! — воскликнул капитан Кэп. — Вашу-то колашу так быстро не остановишь!

И в самом деле, крейсер проскочил вперед, оказался прямо по борту рейдера.

— Стрелять в носовые башни?.. — принялся вслух рассуждать Кэп, изучая в бинокль палубу «Кайзера Вильгельма». — Но тогда они успеют всадить нам в борт из кормовых пушек... М-да...

— Капитан а может, ударим по мостику? — предложил я. — Туда, где у них пост управления артиллерийским огнем. Помните, вы говорили...

— Соображаешь, салага! — Кэп дружески хлопнул меня по плечу. — Верно! Уничтожим их систему центральной наводки!

На крейсере опять замигал прожектор.

— Смотрите, капитан, они снова нам сигналият. Требу-ют немедленно сообщить опознавательный.

— В рот пароход им, а не опознавательный! Объявляй боевую тревогу!

— Боевая тревога! — закричал я в «переговорку».

В ту же секунду пронзительно взревел ревун: УУУУУУ... С грохотом попадали стальные щиты, при-крывающие пушки. На гафель взвился военно-морской российский флаг. Не успел он подняться, как капитан командовал:

— Огонь!

— Ого-о-нь! — заорал я в переговорную трубу.

БАХ! БАХ! БАХ!.. — загрохотали палубные орудия, сотрясая весь корабль.

Всего каких-нибудь пятьсот метров разделяли крейсер и рейдер. Промаяхнуться с такого расстояния было невоз-можно.

И мы не промахнулись!

БА-БА-А-Х!!!

На крейсере полыхнул сноп пламени!

— Разрядить торпедные аппараты, — перекрикивая грохот орудий, приказал Кэп.

— Есть, «разрядить торпедные аппараты»!

И четыре торпеды вошли в воду. Одновременно с этим «Стремительный» открыл огонь из всех своих крупнока-либерных пулеметов: тра-та-та-та-та-та-та...

БУХ-БУХ-БУХ!.. — ответили пушки «Кайзера Виль-гельма».

Вражеские снаряды с противным воем пронеслись над нашими головами и упали далеко за кораблем.

Ура-а-а!.. Перелет!.. Солнце слепило наводчиков, и они промахнулись!..

Ай да капитан Кэп! Классно все рассчитал!

А наши снаряды вновь достигли цели и уничтожили две башни крейсера... Прозвучало еще несколько взры-вов — это торпеды взорвались в носовой части фашист-ского корабля.

Однако, на сей раз, и в рейдер угодил снаряд.

По палубе «Стремительного» пронесся огненный смерч. В центральной части судна начался пожар.

— Правыми шестидюймовками, пли! — охрипшим го-лосом командовал капитан Кэп.

И с новой силой грохотали наши орудия!.. И неслись новые торпеды, буравя воду тупыми носами!..

ТРАХ!.. БАХ!.. ТАРАРАХ!..

Едкий дым ел глаза. Уши словно ватой заложило.

Тра-та-та-та-та-та... поливал нас из пулеметов против-ник.

Фьють-фьють-фьють... свистели пули.

— Огонь! Огонь! Огонь! — яростно хрипел капитан.

...Залпы пушек следовали один за другим... бушевало пламя... рвались снаряды...

«Кайзер Вильгельм» уже пылал от носа до кормы. Черный дым уходил в синее небо. А сам крейсер стал уходить на запад.

— Они уходят, капитан! — закричал я. — Уходят! Мы победили!..

Раздался еще один взрыв. Совсем-совсем близко. Взрывной волной с Кэпа сорвало фуражку.

— Черт! — схватился он за грудь.

— Что с вами? — с тревогой спросил я. — Вы ране-ны?

— Пустяки. Царапина, — отмахнулся он. — Быстро готовить торпеды правого борта. Так просто они от нас не уйдут.

И тут на крейсере ни с того ни с сего ка-а-а-к рванет!..

— Что это? — не понял я.

— Видимо, огонь достиг трюма со снарядами. Кстати, у нас в трюме тоже полным-полно снарядов.

Словно зачарованный, я смотрел на гибель «Кайзера Вильгельма». В считанные секунды огромный корабль полностью скрылся под водой. Исчез прямо на глазах.

Будто его и не было.

— Вот и все, — удовлетворенно сказал капитан Кэп. — Окончен бал, погасли свечи.

Он без сил опустился на палубу. Из-под его ладони, лежащей на груди, сочилась кровь.

— Капитан! — Я чувствовал как к горлу подкатывает тугой комок. — Не умирайте... Пожалуйста...

Он грустно усмехнулся.

— Моряки не умирают, сынок. Они уходят в море и не возвращаются.

По моим щекам текли слезы.

— Капитан, — плакал я, — капитан...

— Снаряды... в трюме... — Ему было трудно гово-рить. — Сей-час... рванут... Уходи...

— А вы?! Как же вы?!

— Я... к своим ребятам.

Он слабо толкнул меня по направлению к шлюпке.

— Иди... Передавай привет Норе...

Это были его последние слова. Капитан Кэп уронил голову на грудь.

Для него все было кончено.

Ветер слабо шевелил седые волосы.

Я прыгнул в шлюпку и что есть силы заработал весла-ми.

...Рано утром папа, мама, Нора и я уехали на дачу. И прожили там все лето. Когда мы вернулись в город, ав-густ был уже на исходе.

Первым делом я, конечно же, выскочил на балкон.

На соседнем балконе я не увидел ни рулевого колеса, ни переговорной трубы, ни спасательного круга. Зато там стояло множество банок с помидорами, огурцами, гриба-ми... Словно это — не рулевая рубка, а кладовая.

Мужчина в цветастых трусах делал зарядку.

— Простите, — окликнул я его, — а где капитан Кэп?

— Какой еще кэп? — раздраженно пробурчал он. — Нет тут никаких кэпов.

Мужчина начал кряхтя приседать.

Я выбежал в коридор и позвонил в соседнюю кварти-ру. Мне открыла заспанная тетка в мятом халате.

— Кого надо? — спросила она недовольным тоном.

Я ничего не ответил.

Через открытую дверь я видел знакомую комнату. Ле-жали ковры, стояли шкафы, орал телевизор... И ни тебе макетов кораблей, ни океанских раковин, ни картин...

Ни-че-го не осталось от капитана Кэпа.

Только мои воспоминания.

Рис. В. Аникина

У МОСТА, ГДЕ КОНИ КЛОДТА...

У Аничкова моста на Невском проспекте, где петербуржцы и гости нашего города любят бронзовыми конями Клодта, возвышается дворец Белосельских-Белозерских. К середине XIX века главная перспектива города уже была застроена. И неподалеку от моста нашли свое постоянное место жительства три красивейших дворца: Аничков, Шуваловский и Шереметевский. Зодчему предстояло «вписаться» в классический архитектурный ансамбль.

Когда-то здесь была загородная усадьба, которую в конце XVIII века покупает князь А. М. Белосельский-Белозерский. Со временем его семья решает перестроить дом, и А. И. Штакеншнейдер — мастер широко эрудированный, знающий архитектуру разных эпох, возводит дворец в стиле барокко.

Особенно великолепно он смотрится с середины Аничкова моста. Кажется, нарядный малиновый дворец, богато декорированный рустовкой и полуфигурами атлантов, украшенный колоннами и пилястрами, «выплывает» на простор Невского проспекта.

Внутреннее убранство дворца не уступало внешнему виду. Роскошная лестница напоминала Посольскую в Зимнем дворце. Мраморные каминные, бронзовые люстры, набортный паркет и... удивительные зеркала! Они покрыты тонким слоем серебра, и в них люди кажутся словно моложе своих лет, как будто волшебные зеркала дарят им вечную весну.

Хозяевами дворца были князья Белосельские-Белозерские, ведущие свое начало от первых Киевских князей. Каждый из представителей этой династии по мере сил старался служить на пользу Руси и девизом Белосельских-Белозерских были слова: «Долг война — отвага».

В конце XIX века хозяином дворца был Эспер Александрович Белосельский-Белозерский. Его жена, обер-гофмейстерина при дворе императрицы, беседовала с женщинами, которые хотели попасть на прием к государыне, и устраивала им встречу. А у себя во дворце княгиня давала великолепные балы. На них любил

приезжать сам император Александр III. Мария Федоровна — супруга императора готова была танцевать до утра. Чтобы пораньше уехать домой, Александр III, который во время бала играл в вист или вел непринужденную беседу, просил своего адъютанта, под разными предложениями, вызывать музыкантов из оркестра. Когда оставался всего один музыкант, — он вставал со своего места и, кланяясь, разводил руками, показывая, что ничего не в силах сыграть, — император подходил к супруге и удалялся с бала.

На балах нередко завязывались знакомства с «нужными людьми», с

их помощью часто делалась карьера. Но главное, конечно, на таких балах были танцы. Танцевать во дворце было легко: анфилада больших, светлых залов открывалась перед парами, кружащимися в вальсе или мазурке. Особенно удавались балы для аристократической молодежи. Очень часто гости приходили в каких-либо театральных костюмах: некоторые изображали восточных красавиц, сказочных волшебниц и даже... солнце. Вообще приезжать на бал можно было в любом costume, единственно — он не должен был затмевать туалеты членов императорской семьи. Балы были придворные и домашние. Один раз в год давался большой придворный бал. На него приглашалось около 3000 человек. И на таких балах особенно четко соблюдался этикет. Costume должен был соответствовать по цвету, фасо-

ну и возрасту положению дамы. Однажды одна из дам явилась в платье лилового цвета с броскими украшениями, чем сразу обратила на себя внимание. И еще в течение долгого времени в светских кругах ее наряд вызывал неодобрение и многочисленные пересуды.

Домашние балы были менее многолюдные и более уютные. Можно было рассмотреть большую коллекцию картин в галерее. Некоторые из них украшали концертный зал, кабинеты, приемные, столовые. Посидеть в уютных креслах, отдохнуть, пообщаться с гостями и хозяевами дворца.

Сейчас основная часть живописных полотен передана Эрмитажу, а остальные картины перевезены в особняк Белосельских-Белозерских на Крестовский остров. Но дворец на Невском по-прежнему сияет своими окнами, приглашая в гости. Здесь проходят выставки картин и предметов прикладного искусства, а в концертном зале поют известные артисты и выступают музыканты. Проводятся и лекции по истории дворца.

Текст и рисунки
Е. АЛЕКСЕЕВОЙ

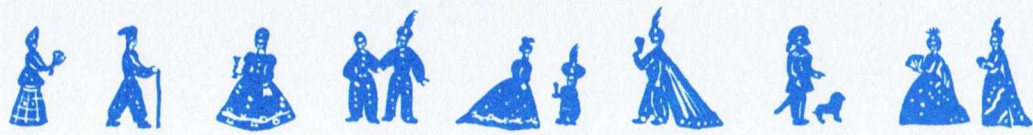

В первом номере журнала 2000-го года хотелось бы напомнить четверостишие поэта С. Я. МАРШАКА, который «разжег» самый первый наш «Костер» в далеком 1936 году:

*Читатель мой особенного рода:
Умеет он под стол ходить пешком.
Но радостно мне знать, что я знаком
С читателем двухтысячного года!*

Написано это много лет назад, а обращено к вам, дорогие наши читатели! С новым годом!

Ваш веселый Архивариус

ОТ ПЕТУХА ДО «РОПТЕКСА»

Пройдет совсем немного времени, и все наши механические и электронные часы начнут отсчет нового, 2001-го года, а с ним и нового века, и нового тысячелетия! Согласитесь, что помимо елки главный атрибут новогодней ночи это, все-таки, часы. Такие привычные, такие знакомые. Но если бы они заговорили, то поведали бы удивительную историю своей жизни!

Какие часы, например, носили во времена Александра Сергеевича Пушкина? Помните, в первой главе романа «Евгений Онегин» есть такие строки:

*«Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед».*

«Брегет» и есть часы, они названы так по фамилии всемирно известного часовщика А. Л. Бреге (1747—1823). Его карманные часы с «репетицией» создали ему славу — они вызывали не только часы, но и четверти. Звонили брегеты лишь по желанию владельца, после нажатия особой кнопки. Внешне, как правило, эти часы выглядели довольно эффектно. Например, над циферблатом, сделанным из белой эмали, висели два маленьких серебряных колокольчика, по бокам которых располагались фигурки с молоточками. Нажмешь кнопку, и фигурки начинают отбивать время. Эти часы называли «репитиерь» (часы, сообщающие о назначенном времени, когда нажмешь кнопку или потянешь за шнурок). Так что полтора века назад часы были достаточно совершенны. И не случайно к этому времени история часов уже насчитывала тысячи лет.

С давних пор человек измерял время по смене дня и ночи. Сначала такого понятия как «сутки» не было. День и ночь считали отдельно. Например, в древнейшем памятнике индийской литературы Ригведе (II тысячелетие до н. э.) есть упоминание о том, что год индусов равнялся 720 дням и ночам. И эти назначенные нам природой отрезки времени разные народы долго делили как им было угодно. Жители прибрежных

цивилизаций связывали такое деление с приливами и отливами. У них день и ночь делились на 2 части — 6 часов прилив и 6 часов отлив. В Индии существовало деление дня и ночи на 3 и полтора часа, а жители Таити уже в те времена, когда там побывал Д. Кук (1728—1779), делили сутки на 18 частей, притом неравных. Очень давно и почти во всех странах время рассвета определяли по пению петуха. О крике петуха упоминает и Евангелие.

Постепенно человека перестали удовлетворять такие неопределенные отрезки времени, как время варки риса, курение трубки или закипание воды в котелке, он стал переходить к счету часов.

Предполагают, что деление суток на 12 часов в дне и 12 часов в ночи создано ассиро-вавилонянами, ведь они считали не десятками, а дюжинами. Но в этом они не были одиноки — другие народы вели счет так же. (И в наше время некоторые предметы считают именно таким образом. Не случайно чайные и столовые сервизы рассчитаны на 6, 12, 24 персон, дюжинами покупают вилки, ложки, ножи.) Удобство счета на дюжины по сравнению с десятичным счетом состоит в том, что 12 делится на 2, 3, 4 и 6, в то время как 10 — только на 2 и 5. И в первом случае чаще можно обойтись без дробей. Так что, наверное, принцип деления суток на 24 часа (2x12) придумали разные народы в разных концах земли.

Самыми первыми часами были солнечные; считается, что они появились на свет в Древнем Египте, и были они гениально простыми: шест, воткнутый в землю.

В античные времена такие часы называли гномоном (по-гречески — указатель тени). Время по гномону измеряли шагами по длине тени. Так же поступали и пастухи на Руси: они выбирали какое-нибудь дерево и мерили тень от него лаптями — стопами обутых в лапти ног. Насчитал шесть-семь лаптей тени — пора собирать стадо и гнать его в деревню.

Летом и зимой солнце поднимается на разную высоту, и в разные месяцы тень от одного и того же пред-

мета будет иметь разную длину и находиться под разными углами к полуденной. И античные мастера стали снабжать гномоны циферблатом, вокруг которого нарисована шкала времени.

Кочевые народы использовали для измерения времени собственный дом — кибитку или юрту. Время определяли по предметам, размещенным внутри кибитки. Для этого дверь всегда была обращена к югу, а все предметы располагались по единому, установившемуся годами принципу.

Затем появились переносные солнечные часы, которые условно можно назвать карманными — их нашли при раскопках древнего римского города. Эти солнечные часы, сделанные из посеребренной меди, имели форму окорока, на котором прочерчены линии. Шпилем — стрелкой часов — служил свиной хвостик (часы держали за хвостик, и он отбрасывал тень на циферблат). Часы были небольшие, и их вполне можно было поместить в кармане, но карманов жители древнего города еще не придумали, вот и носили часы на шнурке, цепочке или прикрепляли к тросточке из дорогого дерева.

Астрономия, физика, морское судоходство не могли обходиться без знания точного времени, и солнечные часы делали не только маленькие или большие, но и гигантских размеров. В Древней Индии, например, было построено высокое «здание-стрелка», назначение которого было отбрасывать длинную тень.

Всевозможные солнечные часы создавали и в более позднее время. Во второй половине XVI века, например, в Риме жил часовых дел мастер Ф. Росси. Он разработал конструкцию под названием «Человек-часы», где учил, как «...каждый человек, стоя на солнце, может определить время по своей или кого-либо другого тени в течение всего года...»

Солнечные часы имели существенный недостаток: они могли «ходить» только на улице, да и то только на освещенной солнцем стороне, а после захода солнца и вообще «останавливались». Это, конечно, было крайне неудобно. Изобрели и другой тип часов — водяные. Водяные часы тоже имеют свою историю.

В. В. БОГДАНОВ

Продолжение следует

Рис. Е. Морозова

Почему снегирь не поет, а свистит?

Русская народная сказка

1. Когда-то прежде снегирь не умел ни петь, ни свистеть. Очень ему хотелось хоть чему-нибудь научиться. Тогда его приятель, маленький воробей, дал снегирю совет.

2. Полетел снегирь к избе, где справили свадьбу. Видит — окна светятся, народ пляшет и поет. Зима, окна плотно закрыты — ни звука из избы не долетает.

3. Вдруг снегирь видит — выходит из избы мальчуган.

4. И мальчик направился к конюшне.

5. Мальчик пошел, посвистывая, через двор. Снегирь прислушался.

6. Попробовал снегирь посвистеть, и свист у него получился!

ОТКУДА БЕРЕТСЯ ВРЕМЯ

Сказочная история

Однажды ночью, когда все спали, цифра ОДИН на циферблате изрекла:

- Я начинаю время, значит я — главная!
- Почему это? — возмутилась цифра ДВА. — Я старше и больше, значит я — главная!
- Фи! На вас противно смотреть! Число ТРИ — самое счастливое и все на этом, — заважничала цифра ТРИ.
- Это я счастливая! Я главнее, — стала настаивать цифра ЧЕТЫРЕ.
- Пятерка — самая лучшая оценка в школе, — восторгалась собой цифра ПЯТЬ.
- А я что хочу, то и делаю, — вскрикнула цифра ШЕСТЬ, — захочу и поделю весь циферблат пополам!
- Что вы! Что вы так кричите?! Разве вы не знаете, что я великолепная семерка, — с семафорной гордостью вскинулась цифра СЕМЬ.
- А во мне вмещается два нуля, значит я вместительная, — важно пропыхтела цифра ВОСЕМЬ.

- Я завершаю парад единиц, — заявила цифра ДЕВЯТЬ.
- Но я начинаю отряд десятков! Я должна быть главной, — потребовала цифра ДЕСЯТЬ.
- А я состою из двух единиц, значит я начинаю время дважды, — бесцеремонно перебила всех цифра ОДИННАДЦАТЬ.
- Какие вы все глупые, ну кому, как не мне, быть главной? Ведь я стою выше вас всех, и гораздо больше вас! — торжествовала цифра ДВЕНАДЦАТЬ.
- С тех пор так и спорят по ночам между собой числа на циферблате и каждый раз перегибают стрелку к себе. Так и движется время.

Соёлма Гомбоева,
6 класс,
Бурятия,
пос. Саган-Нур

КРИПТОГРАММА

Заменяв цифры буквами из отгаданных слов и следуя по ходу часовой стрелки, прочтите стихотворные строчки Афанасия Фета.

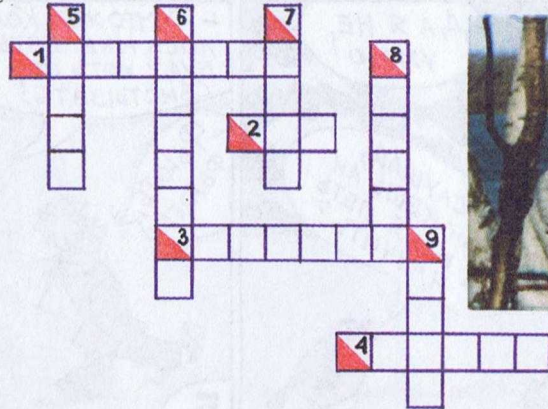
1. 2. 3. 4. — «Ну, ты как всегда пальцем в ... попал!» (Отгадайте пропущенное слово).
5. 6. 16. 4. 19. 7. 8. 17. 17. — Золотник, фунт, пуд — этими единицами измерения веса пользовались в прошлом веке. А для нас привычнее, к примеру, слово ...
9. 4. 10. 2. 11. — Как любовь да ... , так и горя нет, — утверждает русская пословица. А какое слово здесь пропущено?
9. 12. 13. — Щи, борщ, солянка, одним словом, ...
13. 4. 5. 4. 14. — Первая буква русского алфавита называется «аз», вторая — «буки». А как называется буква «П»?
15. 4. 16. 17. — Горка, большой бугор, округлое и пологое возвышение.

22	12	20	1	8	21	5	8	7	11	6	
8	10	1	6	1	8	,	13	4	16	1	
7	9	4	5	6	15	,	6	1	8		
	18		9	8	1	2	14		3	8	
21	10	6	1	4	5	6	14	20	16	21	
8			6				8	2		5	
16	9	,	20	.	19	2	3	16	9	16	8
2	2	19	4		15	6	5	24	11	12	5
3	3	2	1	9		14	6	23	21	1	
	2	1		11	2	10	9	,	8	11	
.	8	1	20	4	7	2	1	11		18	

10. 18. 19. 4. 20. 8. — Польза, барыш, прибыль.
 21. 22. 2. 14. 5. 8. — Пчелиные соты состоят из шестигранных луночек. Такую луночку чаще называют просто ...
 23. 24. 11. 5. 8. — Половая, платяная, сапожная, конская ...
- Составила Л. АНДРЖЕЕВСКАЯ

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

У Лены СТЕХИНОЙ из деревни Павлиново Тверской обл. целая тетрадка кроссвордов. Один из них Лена прислала нам.

- По горизонтали: 1. Столица Бразилии. 2. Самая маленькая единица измерения времени. 3. Редкая вещь. 4. Драгоценный металл, из которого состоит рыбка, исполняющая желания.
- По вертикали: 5. Его проводят, его тратят, его убивают. 6. Характерное сооружение Древнего Египта. 7. Знаменитый русский атаман. 8. Автор «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». 9. Эта рыба умрет без движения.

Рис. Ю. Александрова

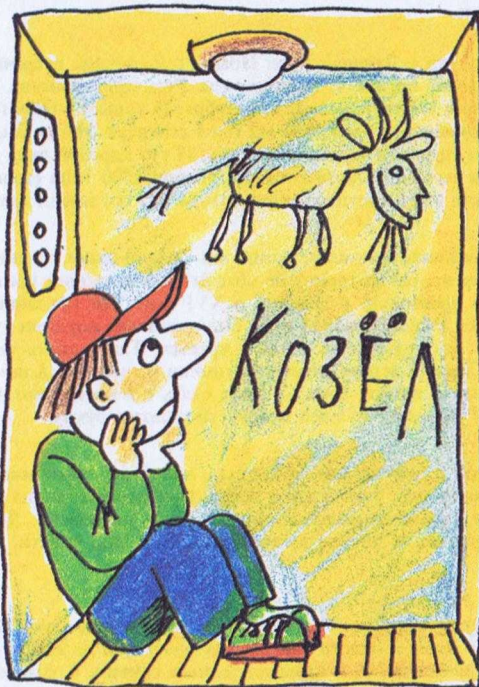

ВЕСЁЛЫЙ ЗВОНОК

ВЕДЁТ УЧИТЕЛЬ СМЕХА Л. КАМИНСКИЙ

Случай в лифте

Был Витя сегодня
Расстроен и зол.
Он в лифте застрял
И, заплакав,
сел на пол.
И все перечитывал
слово «козел»,
Которое только что
сам нацарапал...

Сергей МАХОТИН

Конкурс „и все засмеялись!“

Шел урок русского языка. Учительница написала на доске два слова: «занавес» и «аплодисменты». Потом сказала:

— Ребята, придумайте сложно-сочиненное предложение с этими словами. Я вижу: многие подняли руку. Слушаю тебя, Гусев!

Костя встал и сказал:

— В театре медленно поднялся занавес, и в зале дружно захлопали аплодисменты.

И все засмеялись!

Власта ЗОЛОТУХИНА,
г. Миасс
Челябинской обл.

ВНИМАНИЕ!!!

А теперь я хочу сообщить результаты конкурса «И все засмеялись!» за 1999 год. Было напечатано много смешных историй. Самыми остроумными мне показались:

Рассказик «Любитель поест» («Костер» № 11—12), который прислала Лена БОРИСОВА из пос. Ольгино и фраза из школьного сочинения «Вдруг в кустах охотник увидел голову лосося» («Костер» № 7), которую прислал Глеб БОГАТСКИЙ (г. Санкт-Петербург). Эти авторы получат призы.

А я жду новых ваших произведений: смешные случаи на уроках, отрывки из школьных сочинений, анекдоты. И не забудьте указать свой адрес — иначе куда я пошлю приз, если вы станете победителями?

Ваш учитель
Смеха

— Начерти квадрат со стороны десять сантиметров.

— Анна Петровна, что это за квадрат — с одной стороной?

— Назови числа, которые в сумме давали бы десять.

— Один и ноль!

— Для чего служит микроскоп?

— Для микробов!

— Как избавиться от знаменателя этой дроби?

— Нужно стереть его тряпкой!

— Что означает фразеологизм «кот наплакал?»

— Это означает, что кота сильно обидели!

ПРИСЛАЛИ: Сергей БЫЧКОВ (г. Омск), Ира ПРУС (Московская обл.), Максим КОВАЛЬ (г. Вольск), Сережа КРИВЦОВ (г. Челябинск), Оля НЕДЯК (г. Сургут).

НОВОГОДНИЙ КАЛЕЙДОСКОП

О новогодних праздниках «Костер» писал много раз, а самый большой материал можно посмотреть в № 11—12 за 1996 год. Наша викторина, в которой победитель получит денежный приз — 70 рублей (как указывает цифра в заглавии), тоже посвящается началу нового года. Получив ответы на все вопросы и найдя нужные буквы в словах, вам нужно поставить их в порядке, указанном рисунками. Для этого узнайте нарисованные предметы и поставьте их названия по алфавиту. Тогда должно получиться самое волшебное слово 2000 года. Какое? Ждем ваших писем с подробными ответами.

1. Вы, конечно, знаете, что в Древней Руси Новый год сначала встречали 1 марта — весна, обновление сил природы, начало нового цикла жизни. С приходом на Русь христианства (а с ним и византийского церковного календаря), Новый год стали отмечать еще 1 сентября. И только в 6850 году (от сотворения мира, естественно) решено было начинать церковный и гражданский год 1 сентября. И так было два с половиной столетия. Пока 19 декабря сонную Москву не сотрясла барабанная дробь. И тут царский дьяк с крыльца Кремля огласил государеву повеление о праздновании начала Нового года с 1 января 1700 года (теперь уже от Рождества Христова). Вы наверняка знаете, как звали этого государя-реформатора. Из его имени нам нужна четвертая буква.

2. И повелел царь украшать дома словыми и можжевелевыми ветками, как делали наши предки с незапамятных времен. А когда же стали украшать само дерево, без которого не обходится новогодний праздник? Версий множество. Существует мнение, что впервые это произошло в Эльзасе в XVI веке. По преданию, основатель лютеранства Мартин Лютер, возвращаясь домой под Рождество 1513 года, был настолько поражен красотой звездного неба, что... В общем, ему показалось, будто звезды висят на ветках деревьев. Так и стали украшать елки. Каждое елочное украшение имеет свой смысл. Яблоки (а теперь шары) — символ искушения Адама, пряники — тяжкий хлеб прародителя, орехи — преодоление тягот жизни, цепи — наша связь с Богом, золотая канитель — дождь благополучия. А что символизируют свечи? Возьмите из слов вторую или пятую букву.

3. На страничке «Живой воды» вы уже прочитали, наверное, какие еще деревья приходят к людям на Новый год. Жители Никарагуа, например, вместо елки используют дерево, плоды которого хорошо знакомы каждому из нас. От природы оно уже украшено маленькими красными шариками. Да-да, такими, которые нарисованы на некоторых банках с продуктом из плодов этого дерева. Как оно, кстати, называется? Нам нужна первая буква слова.

4. Самый приятный момент праздника — получение подарков. Их обычно прячут под елкой. Или кладут в носочки — как за границей. Этот обычай связан с именем одного святого, который жил на самом деле. Правда, давно — в III в. н. э. в Малой Азии. Он очень любил детей и помогал бедным семьям, в которых ребяткишек обычно мал-мала меньше. Святой бросал им в дымоход кошельки с золотом. По преданию, однажды кошельек попал в носок малыша, который мама повесила у камина для просушки. У нас тоже любят этого святого, считают волшебником. Только за границей его зовут Санта-Клаус, а у нас добавляют к его имени слово — «Чудотворец». Из имени этого легендарного человека нам нужна первая буква.

5. Так уж повелось, что на Святочные дни — от Рождества до Крещения — нужно загадывать о будущем, ворожить. Помните картину К. Брюллова, на которой взволнованная девушка, затаив дыхание, вглядывается в темное зеркало, освещенное свечой? Кто ей покажется, какой суженый-ряженный? А ведь на эту картину художника вдохновила одна известная баллада поэта-романтика, наставника Пушкина. Вспомните ее название и возьмите шестую или восьмую букву.

6. По-латыни слово «предсказание» звучало как «ватинний». Так называли холм, где совершали колдовские обряды сначала этруски, а потом и жрецы Древнего Рима. Теперь на этом холме — государство, расположенное на территории города. Именно так, а не наоборот! Конечно, это — Ватикан, религиозная (духовная) столица мира. На его территории в 0,44 кв. км размещено 11 музеев, 5 картинных галерей и библиотека. Музеем можно считать и знаменитую Сикстинскую капеллу Апостольского дворца. В ней проходят церемонии выбора Папы. Капеллу украшает фреска «Страшный суд», выполненная великим художником. Из его фамилии (в транскрипции без мягкого знака) нам понадобится восьмая буква. 24 декабря 1999 года служба в Ватикане была особенно торжественной. Папа вышел на балкон и благословил «град и мир», повторив молитву на многих языках. Но на всех языках Земли люди просят мира, здоровья и счастья. Пусть наступивший год оправдает наши надежды!

Победителем Викторины в № 8 стал Денис ЕЛИСЕЕВ из Архангельской области. Поздравляем!

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ В № 9, 1999 г.

1. Перочинный, буква — «И». 2. Башмачкин, буква — «А». 3. Промокашка, буква — «О». 4. Носов, буква — «С». 5. Фломастер, буква — «Л». 6. Перо, буква — «П». Ключевое слово — ПИСАЛО.

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ В № 10, 1999 г.

1. Дуров, буква — «У». 2. «Гуттаперчевый мальчик», буква — «Е». 3. Тетка, буква — «Т». 4. Скоморохи, буква — «Р». 5. Кио, буква — «К». 6. Эквилибрист, буква — «Б». Ключевое слово — КУРБЕТ.

1. Иннокентий Спектров с сестрой Инной на каникулах собрались ехать в спортивный лагерь.

2. В помещении вокзала взволнованный гражданин рассказывал дежурному милиционеру о пропаже рюкзака с продуктами и плотничьим инструментом. Причем вокруг никого не было. Только в отдалении, на другом конце скамьи, в нескольких метрах сидел вроде дремавший мужчина в синей шапочке.

3. Разговор продолжался на перроне.

4. Тут Инна заметила вдали человека в синей шапочке.

5. Милиционер решил догнать подозреваемого мужчину, а Иннокентий изложил потерпевшему свою версию случившегося.

Иннокентий Спектров.

Что предлозил наш «Инспектор» — Какова его версия?

За правильный ответ — 15 очков.

Ответ на задание в № 11 — 12 см. на стр. 18.

Рис. О. Граблевской

ГОТОВИМ ЧЕМПИОНОВ

Хочешь стать чемпионом по шахматам или по шашкам? Тогда вступай в Армию Разведчиков Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК).

Сейчас открываем турниры. В них ты сможешь — а) получить спортивный разряд (4-й, 3-й, 2-й), б) завоевать диплом и приз. Турниров будет два — по шахматам (ШХМ), по шашкам (ШШ).

Хочешь записаться — пришли заявку: «Прошу включить меня...» и т. д. Адрес: 193024, С.-Петербург, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

Кто получит спортивный разряд? Разряд и награды можно будет завоевать в финале турнира (август — октябрь). А попадут в финал набравшие в отборочном состязании (январь — июль) 40 очков из 70 возможных (14 боевых заданий по 5 очков за каждое).

ЧЕМПИОНАТ-2000

Итак, доблестные разведчики, вот первый тур — первые боевые задания!

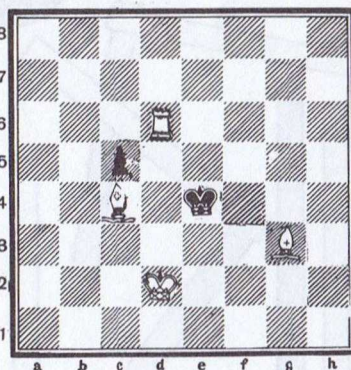
ШАХМАТЫ (ШХМ)

А. (А. Гришин). Белые: Крс2, Фh3, Лг6; черные: Крh8, Лг8, пп.g7, h7.

Б. (О. Шальгин). Белые: Кра7, Фg1, Ла8, Лf3; черные: Кра4, Са5, п.b4.

Цель разведки: и в А и в Б объявить черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: задание «объявить мат в 2 хода» означает, что нужно отыскать за белых такой ход, который обеспечит черным мат при любом их ответе. Вот пример (Н. Зиновьев).

Белые должны объявить мат в 2 хода. Как это удастся выполнить? Какой необходимо сделать первый ход? Пробуем так и так... И приходим к заключению, что годится 1. Лг6! Затем проверяем. Какие ответы будут у черных? Есть 1... Крd4, но тогда 2. Лг4х; есть!... Крf5, но тогда 2. Сd3х; есть 1... Крf3, но тогда 2. Сd5х. Других ответов у черных нет. Значит, доказали: задачу решает ход 1. Лг6!

ШАШКИ

А. (В. Пирюткин). Белые: a1, a5, b2, b4, d2, f4, g5; черные: a7, b8, c7, e3, e7, g7, h8.

Б. (В. Пирюткин). Белые: d2, d4, e1, e3, f2, f4, g3; черные: a7, b6, d6, f6, f8, h4, h6.

Цель разведки: отыскать пути к победе белых.

Разъяснение обстановки: и в А, и в Б победить удастся комбинацией.

ПРИКАЗ № 1

Я, Главнокомандующий АРЧЕБЕК-Ком, приказываю:

1. Каждому разведчику (и резервисту) выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его, а также номер тура в левом верхнем углу рапорта.

2. Рапорты писать аккуратно, кратко и точно.

3. На разведку, составление рапорта и отправку его — две недели со дня получения журнала.

4. Желаю всем успешного старта!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

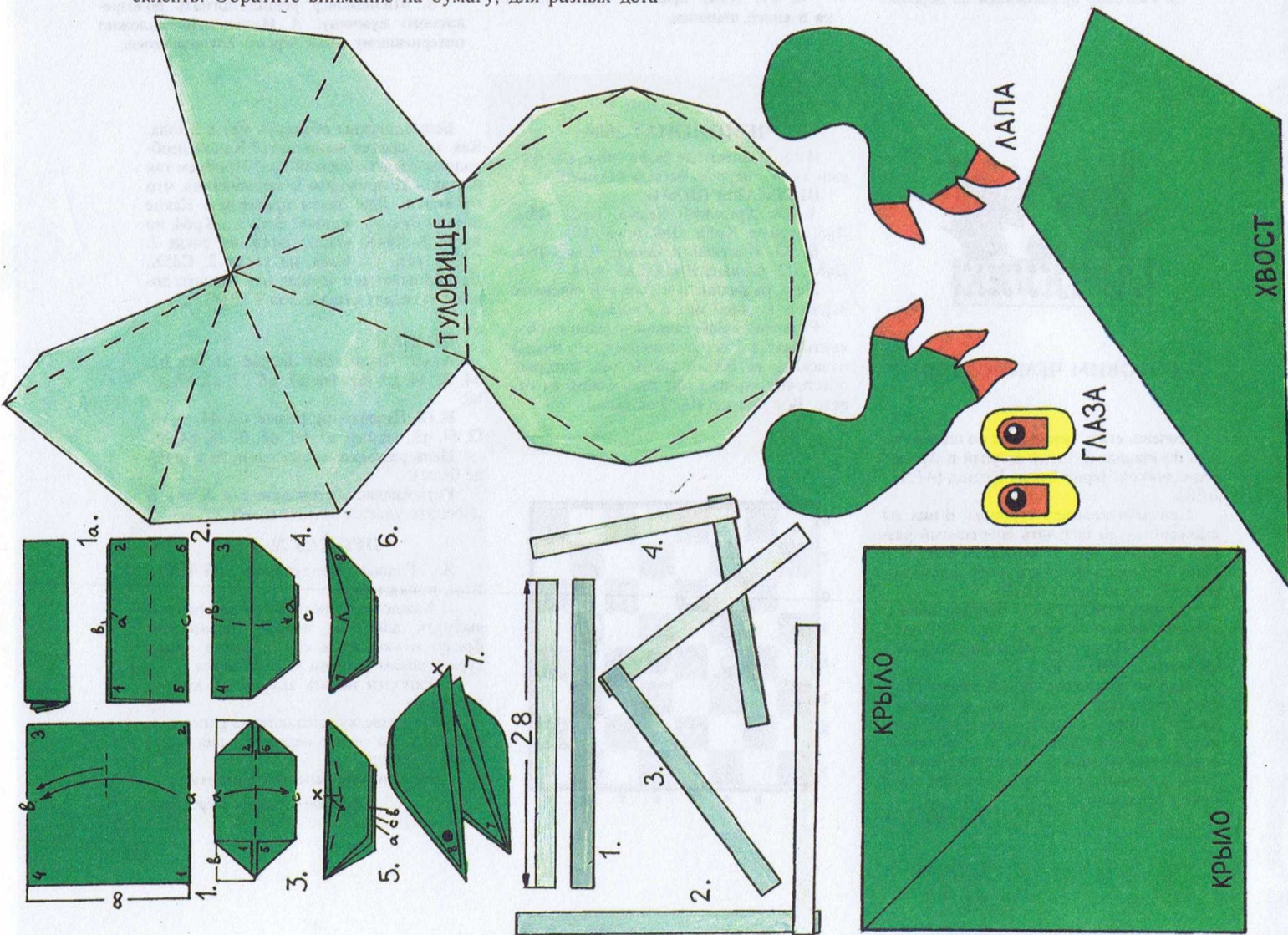
Здравствуй! Надеюсь, ты весело встретила наступивший 2000-й год. А знаешь, что по восточному календарю он наступит только 5 февраля? И будет годом Дракона. Думаю, мы вполне успеем подготовиться к встрече с этим сказочным существом. А помогут нам ребята из городского детского

Центра технического творчества Петербурга, которые специально для «Костра» разработали вот такого забавного дракончика, как на фотографии. Нравится? О том, как его сделать, расскажет Грекова Галина Михайловна, руководитель городского методобъединения по начальному техническому моделированию:

— Мы с ребятами постарались сделать нашего дракончика добрым, мудрым, веселым и простым в исполнении. Совсем легко будет тем, кто знаком с оригами или, как говорят взрослые умельцы, — с «элементами инженерной графики». Посмотрите, пожалуйста, на чертеж. Детали нужно будет увеличить в два раза, вырезать и склеить. Обратите внимание на бумагу, для разных дета-

лей она разная. Туловище — пирамидка из картона, шея — змейка из плотного ватмана. Головы, крылья, хвост, ноги — из обычной цветной бумаги. На рисунке видно, как делаются головы и шеи дракончика. Крылья и хвост — обыкновенная гармошка. В каждую голову можно вклеить язычок, а на лапы — коготки. Словом, ваш дракончик может быть украшен по вашему вкусу — так он приобретет индивидуальные черты, его можно будет узнавать «в лицо». Даже характер ему можно придумать! И, конечно, такой дракон будет замечательным подарком друзьям. А еще — символом наступившего года. Удачи вам в работе и счастливого года!

Фото А. Чернова

Дорогие друзья!

Снова с вами я, ваша Элиза Хилл, с которой вы познакомились в сентябрьском номере «Костра», и которая обещала научить вас хорошим манерам. Не возражаете, если свое «Руководство к познанию светских приличий» я начну с искусства выбирать и преподносить подарки? По-моему, это самая «январская» тема!

Как гласит старинная английская пословица: «Кто умеет дарить — тот умеет жить». Мы дарим подарки не только потому, что так принято, но и потому, что это доставляет удовольствие и дарителю и одариваемому. Неплохо было бы знать вкус друзей, чтобы подарить то, что им нравится. Получается, что подарок надо уметь выбрать, учитывая очень многое: повод для подарка (праздник или просто сюрприз), возраст и пол человека, ваши отношения с ним, интересы и увлечения вашего друга. Поэтому, если выбирая подарок, вы ищете среди своих вещей то, что похуже, что вам не нужно — это не подарок! Если вам жаль с чем-то расставаться, или вы отдаете что-то дорогое вам по принуждению мамы — это тоже не подарок. Купленное в спешке «что-то» — тоже не подарок!

Проще тем, у кого «золотые руки». Подарок, сделанный специально для одариваемого, всегда придется по душе — будь то стихотворение, рисунок, вышивка или мягкая игрушка. Если кто-то из вас стесняется блеснуть своими талантами, то придется занять деньги у родителей и тщательно обдумать подарок. Ваш друг коллекционер? Всегда приятно пополнить его коллекцию! Вы знаете интересы подруги? Тогда легко будет выбрать для нее нужную ей видеокассету, книгу или записную книжку. Мальчишкам обычно нравятся спортивные товары, брелки. Предметом для подарка может оказаться почти все. Однако кое-что запомнить стоит:

— на день рождения следует дарить те подарки, которыми будет пользоваться только сам именинник, а не вся его семья;

— нехорошо дарить подарки после дня рождения, лучше накануне;

— неприлично дарить другу деньги и советовать при этом «купить себе что хочешь»; если вам действительно безразличен одариваемый, то стоит потрудиться и придумать для него нужный подарок, который доставит радость;

— не стоит дарить очень дорогие, «шикарные» подарки, этим вы можете поставить человека в неловкое положение, невольно унижить его или дать почувствовать зависимость от вас;

— если вас пригласили в дом, где есть абсолютно все, и вашего друга нельзя ничем удивить, то не впадайте в отчаяние и не ломайте голову над тем, как раздобыть деньги на дорогой подарок, достойный богатого дома; вы можете подарить вещь хотя и не ценную, но отличающуюся своей редкостью и изяществом, или остроумно обыграть

свой подарок — например, подарить однокласснику модель мерседеса и написать на открытке: «Пусть эта машина растет вместе с тобой!» Больше фантазии, друзья мои!

— важна упаковка подарка: самодельные пакетики, коробочки и открытки ценятся выше, поэтому стоит собирать фольгу, вырезки, ленты;

— никогда не отдавайте то, что вам подарили, ведь кто-то хотел сделать вам приятное, ничего, что это не получилось;

— по отношению к съедобным подаркам существует коварное правило — их сразу следует подавать на стол, это надо учитывать;

— живые подарки (котят, рыбок...) можно дарить только с предварительного согласия всех членов семьи одариваемого;

— подарок не дарят в коридоре (за исключением цветов), вручают его в комнате, не торопясь, говоря теплые слова;

— одариваемый обязательно сразу разворачивает подарок, восхищается им (даже если он не в восторге) и ставит на видное место — лучше к приему гостей заранее освободить под подарки небольшой столик;

— никогда не обижайте людей, которые хотели доставить вам приятное: поэтому не надо сравнивать подарки и отдавать какому-то из них предпочтение.

Напоследок хочу поделиться с вами плодами своего жизненного опыта. Когда я только училась быть светской дамой, то совершала массу непростительных ошибок, чтобы никогда их больше не повторять, я составила «ВРЕДНУЮ ИНСТРУКЦИЮ». Следуя ей с точностью до НАОБОРОТ, вам, надеюсь, удастся прослыть людьми воспитанными.

Итак, КАК НЕ НАДО ДАРИТЬ подарки:

1. Вручая подарок, не скрывайте своего огорчения по поводу утраты такой замечательной вещи. Если лицо ваше в этот момент будет радостным, могут подумать, что вы преподносите пустяк.

2. Расскажите, каких трудов и затрат стоил вам подарок, покажите все его достоинства и упомяните, что у вас самих такой удивительной вещи нет — пусть друг оценит вашу самоотверженность.

3. Подробно объясните, как обращаться с подарком. Например: «Тут в коробке двадцать конфет, я считала, по одной съедим, а вон ему не давай!»

4. Заранее покажите всем подарок, чтобы не подумали, что вы пойдете в гости с пустыми руками.

5. Будьте дипломатичными, интересуйтесь как бы незначай судьбой своего подарка: «А где фотоальбом, который ты получила от меня в подарок в позапрошлом году?»

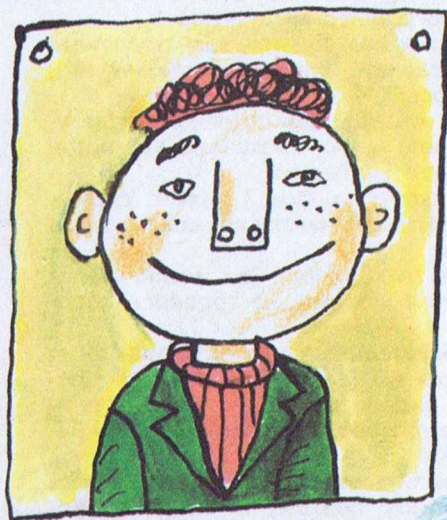
6. И, конечно, когда обладатель подарка оказался недостойным человеком, будьте решительным и твердым — требуйте подарок обратно! Это научит обидчика ценить щедрость и настоящую дружбу.

Как писал английский философ XVIII века Честерфилд своему девятилетнему сыну: «Я перечислил все, чего тебе делать не следует. Теперь ты легко поймешь, как ты должен себя вести».

Пожалуй, пока все. До новой встречи — ваша

Элиза Хилл.

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

У моего товарища
прямоугольный
нос с двумя
симметричными
ноздрями.

Преступник
был одет
в тёмные
очки.

На прозожего
унала сосулька,
как сел на голову.

ФРАЗЫ ПРИСТАТТИ:

Лёша АБРАМКИН
(г. АКТЮБИНСК),
Юля ЧЕРНОВА
(г. ЧЕЛЯБИНСК),
ЮРА ГРАЧ (г. Луга).

А вы слышали анекдот?..

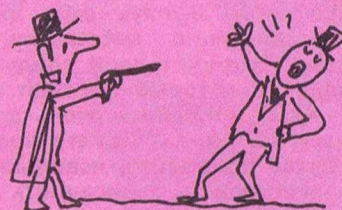
- Петя, сколько в вашем классе отличников?
- Не считая меня, четыре.
- А ты разве отличник?
- Нет. Я же так и сказал — не считая меня!

- Папа, сегодня учительница рассказывала нам про насекомое, которое живет только один день. Вот здорово!
- Почему — «здорово»?
- Представляешь, свой день рождения можно отмечать всю жизнь!

- На уроке пения учитель сказал:
- Сегодня поговорим об опере. Кто знает, что такое опера?
- Вовочка поднял руку:
- Я знаю. Это когда один человек убивает другого на дуэли, а тот, прежде чем упасть, долго поет!

Старые анекдоты вспомнили:
Юля СЕМЕНИХИНА (г. Москва),
Артур НЕЙМАН (г. Калининград),
Вася ГРУШКО (Орловская обл.).

Друзья! Жду
от вас новых
"старых" анекдотов!
Ваш учитель
смеха